

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639065*

*Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья.: Сибирская
Благовонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-353-9*

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом.

Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что... «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни... И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум».

В третью книгу преподобного Симеона Нового Богослова вошли «Слова» с восемьдесят второго по девяносто второе, перевод которых сделал епископ Феофан Затворник, и шестьдесят «Божественных гимнов», перевод которых завершился другими переводчиками в середине XX века.

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Творения преподобного Симеона Нового Богослова	4
Слово восемьдесят второе	5
Слово восемьдесят третье	15
Слово восемьдесят четвертое	22
Слово восемьдесят пятое	35
Слово восемьдесят шестое	39
Слово восемьдесят седьмое	42
Слово восемьдесят восьмое	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

Творения преподобного Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово восемьдесят второе

1. *О животворном умертвии.*
2. *О том, что стяжание добродетелей покупается кровию.*
3. *Какие обиталища добродетелей?*
4. *Кто не восходит в Царствие Небесное должным порядком, тот не войдет в него.*
5. *В совершенных качествуют радость и веселие, а не слезы.*
6. *И внутрь их текут реки богословия.*
7. *Не следует принимать предстояние над народом без удостоверения благодати Божией.*
8. *В чем главное дело тех, кои имеют предстояние над народом, и как разумные овцы должны быть пасомы пастырями?*

1. Не всякий, слышащий о животворном умертвии о Христе Иисусе, Боге нашем, и о дивном действии, какое бывает от него всегда в совершенных добродетелью и ведением, уже и знает, что оно такое, хотя и кажется ему, что он то знает. Знают его только те, которые самым делом ясно поняли сказанное святым апостолом Павлом слово: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, якоже не имущии будут, и плачущиися, якоже не плачущи, и радующиися, якоже не радующеся, и купующи, якоже не содержаще, и требующи мира сего, яко не требующе. Преходит бо образ мира сего* (1 Кор. 7, 29–31). И еще: *яко умирающе, и се, живи есмы, яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10). Не пробегай этих слов просто, как ни попало, думая, что сразу понял уже сокрытую в них силу, но представь, возлюбленне, поточнее внутреннее состояние души твоей, и я от видимых вещей введу тебя в узрение значения сказанного; только внимай добре тому, что буду говорить. Кто умер и лежит мертвый, тот не чувствует ничего из видимых вещей. Кто ничего не имеет, тот всего лишен, во всем имеет нужду и всего желает. И опять, кто всем обладает, тот чего еще другого из вещей мира мог бы пожелать? Ибо он имеет уже все и не осталось ничего, что пожелал бы он приобрести. Но блажен, кто взыскал сего делом, и понял, и увидел, и изучил то опытом, ибо эти слова – не пустые слова. Ибо как на дорогах и полях находятся по местам дома, города, царские палаты, так и на пути, ведущем в Царствие Небесное, находятся, в своих им местах, заповеди Божий и добродетели.

2. И вот я хочу раскрыть сколько могу, что говорится о заповедях Божиих и о добродетелях – об этих видимых (на пути в Царствие) зданиях, как они велики и как прекрасны. Впрочем, читающий о сем как может по одним словам уразуметь и представить эти вещи? Никак не может. Если же и представить не может, то как может стяжать какие-либо из них, тем паче, когда они стяжываются покупкою за известную плату? То же, что дать надобно, чтоб купить их, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый желающий из нас покупает их, одну за другою, кровию своею. И воистину, если кто не предаст себя на заклание, как овча, за каждую даже малейшую добродетель и не прольет крови своей за нее, тот не стяжет ее никогда. Так Бог, в экономии Своей, положил, чтобы мы покупали вечную жизнь произвольною смертью. Не хочешь умереть произвольною смертью и жить вечною жизнью? И вот ты мертв.

3. Но посмотрим, какие и каковы суть обиталища добродетелей, за которые всякий должен пролить кровь свою, чтоб стяжать их? Первое такое обиталище есть блаженное смирение, как сказал Христос Господь: *блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное*. Желающий войти в сие обиталище смирения, а через него и в Царство Небесное, если не предаст себя прежде на заклание, как овча, связанное по рукам и ногам, и на принесение себя в жертву руками всякого, кто захотел бы заклать его, и если не умрет совершенною смертью,

чрез умерщвление воли своей – никогда не войдет в него и не стяжет его. Если же этого не стяжет, не стяжет и никакого другого. Ибо тому, кто оставит эту добродетель, невозможно будет успеть ни в какой другой. Господь положил, чтобы добродетели следовали одна за другою в своем порядке и постепенно. Представь в уме своем, что добродетели в жизни людей являются, как некие острова посреди моря, отделенные один от другого водою, но соединенные посредством мостов и состоящие таким образом во взаимной связи. Первая из этих добродетелей есть блаженное см^ение, в которое вошедший западною дверью посредством покаяния и пробывший в нем довольно время выходит восточную дверью и, перешедши затем чрез мост, вступает в обиталище плача, а после того, как пробудет и там довольно времени, омоется, очистится и облечется в благообразие плача, перебегаёт и оттуда в жаждалище и алкалище правды, то есть в алчбу и жажду всякой добродетели. Потом идет он в палату милостивости и благоутробия и, перешедши чрез нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обретает царскую сокровищницу чистоты, в которую вступив, узревает невидимого Царя славы, сидящего внутрь его. Палата эта есть тело, царская сокровищница – душа, с которою когда соединится Бог ради исполнения заповедей Его, делает ее всю Божественным светом и богом через единение с Собою и благодать Свою. И только всякий, проходящий означенным путем добродетелей, приходит в сие боголепное состояние. Вступить в это шествие с другой стороны или минуя то или другое обиталище, искусственным неким способом перебраться в дальнейшее совершенно невозможно. Именно так, как сказано, определил входить в Царство Небесное Владыка Христос – и быть сему иначе никак невозможно. Если пределы моря пребывают неподвижными и морю нет возможности выступить из них, не тем ли паче сохранится неподвижным и неизменным то, чему быть так, а не иначе определил Господь в деле нашего спасения?

4. По другому сравнению, восхождение тех, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхождению по лестнице, имеющей обычно ступени. Здесь то – чтоб один возревновал о восхождении паче других и скорее взошел по лестнице, перегнав их – есть наше дело, дело произволения каждого. Но то, чтобы начинать не с первой ступени и потом восходить с одной на другую по порядку, в каком они положены, а минуя первую прямо ступить на вторую или третью, совсем невозможно для людей. И те, которые покушаются отступать от такого порядка восхождения, трудятся напрасно. И еще: как невозможно взойти в верхние жилья без лестницы или войти в царский внутреннейший покой, туда, где занимается и принимает своих царь, не прошедши прежде передней, так невозможно войти и в Царствие Небесное тому, кто не идет путем добродетелей по порядку, нами указанному. Такие шествуют вне царского пути и находятся в прелести, сами того не замечая.

Молитва. Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблуждшим и незаблудный Путь грядущим к Тебе, возврати (с распутий) всех нас, приведи к лестнице, возводящей к Тебе, и всею сильною рукою Твоею поруководи нас начать восхождение по ней. Даруй нам силу подняться с земли и ступить на первую ступень, так чтоб мы сознали, что положили начало восхождению и поднялись немножко от земли. Ибо прежде нам подобает взойти немного к Тебе, чтоб Ты много нисшел к нам, Благий Владыко наш, и соединился с нами. Покажи нам, Господи, внешнюю дверь в Царствие Твое, чтобы нам толкать в нее с терпением, пока не отверзется она ради произвольной смерти нашей, чтобы когда, вошедши в сени, станем мы толкать в каждую внутреннюю дверь и отверзать их одну за другою, и Ты, многоблагодарный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательные воззвания и наши в грудь ударения, скорее снисшел к нам с верхних покоев Твоих, так чтобы мы услышали ступания всепречистых ног Твоих и уразумели, что Ты отверзаешь двери, сущие между нами и Тобою, которые заключены для нас, грешных, и, пришедши к нам, спросил: кто ударяет здесь в двери? Мы же, отвечая с плачем и рыданием, сказали со страхом и радостью: это мы, Владыко, мы, недостойные, бедные, отверженные и непотребные рабы Твои; мы, ходившие

доселе по распутиям и блуждавшие по горам, дебрям и пропастям; мы, по глупости своей осквернившие Святое Крещение; мы, не соблюдавшие данных нами обещаний; мы, убежавшие от Тебя и самовольно перешедшие ко врагу Твоему и наветнику душ наших. Теперь же, вспомнив о Твоем человеколюбии и Твоей благодати, убежали мы от него с большим трудом и к Тебе притекли с великим страхом и трепетом. Прости убо нас, Владыко всяческих, и не прогневайся на нас, но умиласердись и сжался над нами, грешными. Отверзи нам, Господи, и не помяни беззаконий наших и нашей неблагодарности. Услыши нас, рабов Твоих, чтобы, возмалодушествовав, не возвратились мы вспять, ибо много уже времени мы стоим здесь и толчем и прежде много потрудились, толкая во внешние двери Царства Твоего. Сжался убо над нами и отверзи нам, Господи, естеством человеколюбивый. Если, отверзая мало-помалу, Ты отверзешь нам наконец совсем двери милости Твоея, кто, увидев Тебя, не вострепещет? Кто не падет пред Тобою со страхом и трепетом и не взыщет милости Твоея? Кто, видя, как Ты, имеющий окрест Себя мириады мириад Ангелов и тысячи тысяч Архангелов, Тронов и Властей, оставил всех их там, горе, и снисшел к нам, отворил нам двери, сретил нас и принял с радушием, падши на выи наши и облобызав нас. Кто, говоря, видя сие, не станет вне себя от изумления, не сделается будто мертвым, не истает и не разольется как вода и с костями своими? Кто не будет день и ночь плакать, помышляя о бездне человеколюбия Твоего и Твоей благодати и видя славу и светоблистание лица Твоего? Буди слава Тебе, уДомо-строительствовавшему сие тако! Буди честь и слава Тебе, благоволившему быть видимым нами и вступить в живое общение с нами! Буди слава Тебе, по великому благоутробию Своему, открывающемуся и являющемуся нам, тогда как по естеству Ты невидим для самых Ангелов! Буди слава Тебе за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить в нас ради нашего покаяния! О величие славы неизъяснимое! О преизобилие любви! Содержащий всяческая вселяется в человека тленного и смертного, так что все в нем тогда соблюдается силою Бога, в нем обитающего! О чудо изумительное – и дела, и тайны недомыслимые Бога непостижимого! Человек смертный сознательно носит в себе, как свет, Бога, создавшего всяческая и самого сего человека, который носит Его – носит внутрь себя как сокровище невыразимое, неизглаголанное, бескачественное, бесколичественное, безвидное, безвещественное, бесформенное, оформленное лишь красотой неизреченною, предивною и всепростою, как Свет – такой, который выше всякого света! И такой человек, сосредоточиваясь весь в себе, вращается, однако ж, среди нас, не будучи никем познаваем из тех, которые имеют с ним сношение!

5. И кто в состоянии описать радость, исполняющую такого человека? И есть ли что другое, что возможно бы было пожелать такому? Какого царя не блаженнее и не славнее он? Какого мира или скольких миров не богаче? И в чем бы мог он иногда недостаточествовать? Поистине невозможно ему недостаточествовать в каком-либо благе, которое от Бога.

Но ты, брате, сподобившийся соделаться таковым – ты, имеющий обитающим внутри себя всего Бога, добре внимай, чтобы не сделать и не сказать чего-либо недостойного святой воли Его; иначе Он тотчас удалится от тебя и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутри тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутрь обиталища Его ничего, Ему неблагоприятного и чуждого естеству Его, чтоб Он не прогневался на тебя и не убежал, оставя тебя пустым. Не многословь пред Ним и не обращай к Нему прошений без благоговейной собранности. Не помышляй в себе и не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да примет Он доброе мое произволение и да познает, как люблю я Его и чту; потому что, прежде чем подумаешь ты так, Он уже знает помышления твои и ничего нет сокрытого от Него. Не покусись еще удержать Его мысленными руками, ибо Он неухватим, и как только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его – уже не найдешь внутри себя ничего. Он тотчас удалится от тебя и станет неоощутим для тебя.

Тогда если, сокрушаясь, томя и бия себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно так, ибо Он есть радость и не согласен входить в дом, где печалются и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом. Но если благоустроишь себя беспопечением и преданностью в волю Его, то Он опять обретется внутри тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почитать в душе твоей, как на одре некоем, и не начинай говорить в себе, что если не стану плакать, то Он отвратится от меня, как от нерадивца и презрителя. Если бы Бог хотел, чтоб ты, достигший совершенства, плакал, как плачет тот, кто еще находится на степени покаяния, то Он виделся бы тебе издали, или совсем скрывался бы от тебя, или освещал тебя издали и таким образом давал тебе и раздражал в тебе плач к очищению и благоустроению дома твоего. Но теперь после покаяния и очищения, какое получил ты посредством слез, Он пришел в тебя, чтоб даровать тебе упокоевание от трудов и воздыханий и исполнить тебя радостью и веселием вместо печали. Стой же прямо, не телом, но движениями и устремлениями души твоей. Водвори в себе тихое безмолвие, так как в дом твой идет Царь царствующих. Скажи со строгостью всем придверникам дома твоего, то есть чувствам своим: Царь грядет, стойте же добре при дверях, стойте смирно и со страхом великим наблюдайте, чтоб не пришел кто к дверям и не стал стучать и чтоб ничей голос не проходил внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте добре, чтоб кто не обманул вас и не прокрался внутрь тайком и Царь тотчас опять не оставил нас и спешно не удалился. Так скажи и стой в веселии и радовании души своей, смотря внутрь себя на неописуемого Владыку своего, благоволившего неописанно описаться в тебе, и созерцай красоту Его, ни с чем не сравнимую. Созерцая же недомыслимо Пресвятое лицо Его, неприступное для Ангелов, и для Архангелов, и для всех чинов небесных, изумляйся, радуйся и, духовно скача, веселись, внимая, однако ж, Ему с благоговением, чтоб услышать, что повелит Он тебе сказать или сделать. Внимай убо тому, что Он говорит Тебе. Он не имеет нужды требовать что-либо от рабов Своих для Своего собственного упокоения, как имеют ее земные цари, потому что ни в чем не имеет недостатка, и если не обогатит наперед рабов Своих, то и не входит в дом их.

6. Итак, поелику Он ни в чем не имеет недостатка, как я сказал, но обогатил тебя и Своим к тебе пришествием сделал безнедостаточным, то внимай, да ведаешь, что говорит внутрь тебя Тот, Кто, неотлучно исшед из лона благословенного Отца Своего, снисшел с небес даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебе найти и подумать, чтоб Он делал это когда-либо как бы мимоходом. Нет; благий и человеколюбивый Владыка наш делает это обыкновенно для спасения и других многих. Итак, если ты почтишь Его, примешь Его и дашь Ему место и упокоевание в себе, то ведай добре, что услышишь из сокровищ Духа Его неизреченные тайны. Не припадая к персям Владыки Христа, как припал некогда возлюбленный ученик Его Иоанн, но имея внутри персей своих все слово Божие, будешь ты богословствовать богословие новое и ветхое и добре поймешь все богословия, какие изречены и написаны были доселе, и соделаешься органом Духа dobroгласным, издающим мелодии, приятнейшие паче всякой музыки.

Но если ты попустишь прийти откуда-либо печали и войти в дом твой, тотчас отбежит радость. Если попустишь войти гневу или раздражению, тотчас удалится Тихий и Кроткий. Если попустишь войти ненависти и вражде к кому-либо, тотчас убежит Тот, Кто наименовался и есть самосушая и ипостасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопрению или зависти, тотчас незлобивый и благий Бог станет невидим, ибо Он этого терпеть не может. Если Он заметит, что около дома твоего ходят лукавство или многохлопотливость с любопытством, а ты не отгоняешь их наискорейше с гневом, а кротко принимаешь эти худости, которые Он ненавидит, ты же позволяешь им приближаться к Нему, то не станет наперед извещать тебя, когда удалится от тебя, Простой, Незлобивый и Непытливый, но тотчас оставит тебя, не дав тебе того заметить.

Если также ты, сподобившийся приискренне соединиться с таким Владыкою, увидеть такую славу и стяжать такое богатство, разумею Царствие Небесное (которое есть Сам Бог), будешь берещись, чтоб в дом души твоей не вошла ни одна из сказанных страстей и всячески стараться доставить Царю великий покой от них, но лицо свое, то есть ум свой, станешь обращать в другую сторону и беседовать с другим, спиною обращаясь к неприступному Богу, на Коего со страхом и трепетом взирают все чины ангельские – то не по всей ли справедливости Он тотчас оставит тебя как презрителя и недостойного?

Но Он человеколюбив есть, говоришь ты. И я тоже говорю. Но Он человеколюбив к тем, которые чувствуют Его человеколюбие, чтут Его и благодарят как подобает. Если же ты, ни во что ставя любовь Его всеулаждающую, полюбишь что-либо другое и с тем свяжешь всецело все стремление души своей и станешь улаждаться другою какою сладостью, или ястием, или питием, или одеждою, или лицом каким красивым, или золотом, или серебром, или другим чем, и душа твоя воспохотствует того и побеждена будет любовью к тому, то возможно ли, чтобы Бог, естественно чистый и тебя соделавший таковым благодатию Духа Святого, продолжал быть в общении и обращаться с тобою, когда ты уклонился сердцем на другое, а не тотчас оставил тебя? Само собою явно, что Он всеконечно оставит тебя.

7. Положим теперь, что ты не будешь делать ничего из того, что я сказал, но будешь гнать от себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастие и естественную любовь к родным и всякому человеку и, действуя так, достигнешь наконец совершенной безгрешности и чистоты, как представили мы выше, и воспримешь в себя Бога, сущего превыше всех небес, вследствие чего не будешь тревожим никакой страстью и ни к чему уже совершенно не будешь иметь никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать с Богом, имея ум свой постоянно горе в пренебесном Царствии Его. Положим далее, что в то время, как ты находишься в таком состоянии, кто-нибудь внезапно позовет тебя и введет в какой-либо город, где множество народа, домов, палат убранных и просторных, где церкви большие и прекрасные, архиереи, иереи, царь со всем синклитом вельмож и телохранителей. Потом (пропускаю всякие другие способы, какие можешь сам ты употреблять для получения архиерейства и попечения о народе), потом, говорю, все эти, то есть и царь, и вельможи, и все множество народа, начнут со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя попечение о душах их, чтоб ты пас их и пользовал учением своим – и ты, не получив манования на то от Бога, презришь Его, сподобившего тебя благодати соцарствовать с Ним, и, оставя небесные и вечные блага, дарованные Им тебе, спустишься к этим непостоянным и привременным и свяжешься с теми, которые пригласили тебя пасти их. Как думаешь? Ужели не праведно будет, если Бог, когда ты поступишь таким образом, оставит тебя пользоваться только этими привременными благами, которых ты возжелал, лишив благ духовных как в настоящей жизни, так и в другой? Конечно, нет.

Даже если б Сам Бог повелевал тебе принять на себя пасение душ человеческих, тебе следовало бы, падши перед Ним, восплакать и с великим страхом и скорбью сказать: Владыко Господи! Как мне оставить сладость пребывания с Тобою единым и пойти в ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогневайся на меня, раба Твоего, и с такой высоты славы Твоей не свергай меня в тот хаос бедственный. Нет, Господи мой, не лишай меня такого света Твоего и не низводи меня, бедного, в такую тьму. Или я согрешил в чем-либо пред Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня в тот хаос, из которого Сам, по великому благоутробию Своему, человеколюбно извлек меня и вывел? Не расстраивай меня так сильно Ты, подъявший на рамо Свое столь многие мои грехи и беззакония; но если я согрешил в чем пред Тобою, накажи меня здесь, где нахожусь. Если находишь благословным, отсеки лучше все члены мои, только не посылай меня туда, в тот хаос.

Если бы Бог и опять стал говорить тебе: иди, паси овец Моих; иди, обращай ко Мне братьев своих словом учения твоего, следовало бы и тебе опять ответить: увы мне, Господи!

И как отделиться от Тебя мне, недостойному? Если б опять и в третий раз сказал Он тебе: нет, ты не отделишься от Меня; Я и там буду с тобою неразлучно – то и тебе следовало бы опять, падши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистые ноги Его, сказать: как возможно Тебе пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Как возможно Тебе быть со мною, если сердце мое, поползновенное на всякое зло, склонится к лести и похвалам человеческим? Как возможно, чтобы Тебе благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь в гордыне? Возможно ли, чтобы Ты не удалился от меня, если я не стану с дерзновением праведно обличать царей и другие власти в их беззакониях и неправдах? Мне же где возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастыре так, как Тебе благоугодно, чтобы Ты был со мною и укреплял меня, а не обвинил, как погрешителя, и за то не удалился от меня как от недостойного, оставя меня одного поверженным там, долу? Боюсь, Господи, чтобы не победило меня сребролюбие; боюсь, чтоб не овладела мною воля плоти, чтоб не обольстила меня сласть греховная, чтоб не омрачила ума моего забота о пастве, чтоб не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти и не напустила презирать братьев моих; боюсь, чтобы не выступить мне из подобающего моему званию чина от пиршеств и винопития, чтобы не стала опять упитанною от сластей плоть моя, утонченная воздержанием, чтобы не уstrasили меня угрозы людские и не сделали преступником заповедей Твоих; боюсь, чтобы просьбы собратий моих епископов и друзей не склонили меня стать участником грехов их и, когда онеправдывают они других или другое что недоброе делают, молчать или даже содействовать им, не обличая их с дерзновением и не покаяваясь за заповеди Твои сопротивления им, как подобает. И где мне, Господи мой, изложить все опасности звания сего, которые бесчисленны и которые Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, не попусти мне впасть в них. Сам бо ведаешь, Человеколюбче, как трудно угодить людям, как они бывают тяжелы, насмешливы, пересудливы и клеветливы, особенно из грамотных и ученых, умудрившихся внешнею мудростью. Пощади же меня, Человеколюбче, и не посылай меня туда – долу, на это предстояние над народом, в среду таких и толиких бед и зол.

Все сие и другое многое следовало бы тебе поиметь в мысли и, убоявшись имеющих встретиться тебе трудностей и бед, умолять Бога дозволить тебе не нисходить с неба твоего на землю, опять в мирские дела. Если бы даже Бог, похвалив любовь твою и твое смирение, сказал тебе: не бойся, не будешь преодолен ничем противным, ибо Я обещаю тебе всегда быть с тобою и ты будешь иметь Меня помощником себе во всяком деле, Я и там долу прославлю тебя с преизбытком, и сюда опять возвратишься ты еще с большею славою и в большей светлости и будешь соцарствовать со Мною в бесконечные веки; если бы даже, говорю, тебе дал такое обещание человеколюбивый и всеблагий Царь, то и тогда не следовало бы тебе дерзать и быть совершенно беспопечительным, но надлежало находиться в страхе и трепете великом, помышляя, что ты как бы нисходишь с великой высоты в глубь глубочайшего кладезя, полного разными зверьками и пресмыкающимися, и в таком настроении, с великим страхом взойти на престол патриарха, или митрополита, или епископа, или другого какого предстоятельства над народом.

Если же ты сознаешь, что ты не таков, как мы сказали выше, но тебе, напротив, кажется, что, принимая настоятельство над народом, ты восходишь с низу и от долу в высь великую, то горе тебе за такую дерзость, горе тебе по причине ослепления ума твоего, горе тебе по причине великого невежества твоего! Ибо такие мысли и помышления несвойственны людям мыслящим и разумным, но бессмысленным язычникам или, лучше сказать, мертвым, которые не видят, не чувствуют, не живут и совсем не знают, что есть Бог и что есть суд Божий, имеющий сретить нас.

8. Что пасти народ и пещись о спасении братьев есть дело многоспасительное как завершение любви, которая есть глава закона и пророков, этого никто не может отвергать. Ибо

когда Господь до трех раз спрашивал Петра, любит ли он Его, и сей ответил: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя; тогда Господь, в ответ на это, вот что сказал ему: если любишь ты Меня, Петре, паси овцы Моя. Опять, что не следует всякому человеку, просто и как ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство над другими – явно и это для всякого, у кого ум не омрачен совершенно. Впрочем, многие не знают ни того, что означает приведенное слово Господа, ни того, каким образом пасти овец Своих повелел Господь Петру. Но восходят дерзостно (увы!) на эту степень достоинства и не стыдятся самочинно пасти паству Христову, почему, если вам кажется благословным, обсудим, что означает это слово Господне и какой заключается в нем смысл.

Когда Господь сказал Петру: паси овцы Моя, то этим не на другое что указал, как на предстояние и попечение, коим подобает быть о стаде Христовом посредством слова и учения. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя: и ты некогда обраща утврди братию твою* (Лк. 22, 31, 32). Ибо что значат слова: утврди братию твою? Вот что: собственным своим примером удостоверь их, что не должно отчаиваться, в какое бы то прегрешение ни впал, ибо какое другое прегрешение хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческих? Однако ж Я простил тебя тотчас, как только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имел дерзновения по причине отречения, Я по имени призвал тебя через Ангела прийти ко Мне вместе с другими апостолами на гору Галилейскую, ни одним словом не укоряя тебя в отречении твоём. В сем-то, обраща, ты и утврди братию твою.

Паси овцы Моя. Но ведай, что ты будешь истинно пасти их не тогда, когда станешь переводить их с пажити на пажить, чтоб они утучнели телесно, как то делают пастыри бессловесных овец, не тогда также, когда будешь запира́ть их в стенах и ограждениях овчарных, но когда будешь научать их соблюдать все, что Я повелел. Это потом заповедал Господь особо и всем апостолам, говоря: *шедшие научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20), *прибавив и еще: иже веру имат и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16).

Паси, говорит, овцы Моя. Пастырь бессловесных овец не заботится о земледелии, ни о торговле, ни о домах, ни о яствах различных и многоценных, ни о славе и почести; нет ему дела и ни до чего другого мирского и охоты не имеет он пользоваться тем; но оставя все – и дом, и жену, и детей – все свое попечение обращает на одну лишь паству свою, ради ее ночи проводя без сна и проходя с нею в отдаленные места, не имея ни крова, ни постели, переносая зной дня и хлад ночи и борясь с воздушными переменами: одних овец блюдет он и об них всестороннее имеет попечение. Но для тебя, пастыря словесных овец, возможно находиться под кровом дома, иметь одр, постель, трапезу и вместе с тем пасти и овец Моих. Как же пасти? Уча их иметь ко Мне (говорит Господь) веру светлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня от всей души и от всего сердца, как и Я возлюбил их, по любви к ним предав Себя на смерть и умерши за них. Доставляя же им вместо пажити животворную пищу Моих заповедей, объясняй им, что они тогда только будут вкушать животворность сей пищи, когда самым делом исполнять станут заповеди Мои, и побуждай их вкушать от сей пищи каждый час, чтоб они были всегда насыщенными от Моих благ. А какие это Мои блага и какими делами они стяжываются, сие познать научи их из следующих Моих слов: *продадите имения ваша и дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветиающая, сокровище неоскудеваемо на небесех* (Лк. 12, 33). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44). *Да никтоже (из вас) зла за зло кому воздаст* (1 Фес. 5, 15). *Отпускайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37). *Аще ли же вы не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших*

(Мк. 11, 26; Мф. 6, 15). Станьте бедны деньгами, да будете богаты благодатию Святого Духа; презрите земную славу, чтоб получить небесную.

Еще говори им и следующее: пред нами находятся два противоположных предела – живот и смерть, и два мира – настоящий, видимый и привременный, и будущий, невидимый и вечный, и два противоположных между собою действователя в сих мирах – Бог и диавол, противостоящий Ему, из которых Бог всегда печется о спасении нашем, призывая нас к жизни и Царству вечному, а диавол желает погибели и смерти души нашей и день и ночь рыщет, ища, кого привлечь приманкой временных сластей и поглотить, сделав его повинным вечному мучению. Поелику таким образом пред нами Бог и диавол, то нам, как мыслящим и разумным, надлежит бежать от врага нашего и прибегать под кров Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствует над нами князь тьмы, уловив нас в сети и тенета свои, и да не сделаемся мы чрез то рабами ему и греху.

Что диавол есть князь мира и вечной тьмы, послушай Самого Христа, Который говорит: *грядет сего мира князь и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30). Князем мира называется он не как властитель и господин мира. Да идет от нас такая богохульная мысль! И как возможно, чтоб властвовал над миром тот, кто не имеет власти даже над свиньями? Но называется он князем мира потому, что, раздражая пожелание богатства и других вещей мира сего, он порабощает себе прилепляющихся к ним и берет над ними власть. Князем же тьмы называется он потому, что ниспал от света Божественной славы по причине гордости своей и сделался наследником вечной тьмы. Но Бог и Владыка наш, яко Творец и Устроитель всего мира, естественно и властно есть Князь всех – небесных, земных и преисподних, будучи Светом невечерним и непреступным и Господом всего, и настоящего и будущего.

Итак, которые покорствуют Богу и соблюдают неуклонно заповеди Его, те и временных благ причащаются в меру и с воздержанием, благодаря за них Бога, и от этих видимых и временных благ возводятся к оным невидимым и вечным за то, что повинулись царю всех Богу и соблюли повеления Его. Те же, которые поступают противно заповедям Божиим, те находятся на противной Богу стороне, вместе с диаволом, поелику сделались врагами Его, как Сам Он говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть, и иже не собирает со Мною, расточает* (Лк. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто из вас не слушает князя тьмы и миродержителя диавола; пусть никто не водится с ним; никто пусть не делается воином диавола и не воюет против Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагом души своей и не подвигается, чтоб наследовать огонь вечный. Умоляю вас, отцы мои, и братия, и чада, не делайте этого. Страшное дело и для одного даже слуха то, чтоб сделаться нам врагами и противниками Богу.

А как делается кто противником Христу и подвигается о собственной своей погибели, я это сейчас вам скажу. Если, например, кто побранит тебя праведно или неправедно, или осудит, или оклеветает, и ты не переносишь такого бесчестия с кротостью, но, оскорбившись тем в сердце своем, не удерживаешь раздражения своего, а бранишь и сам того, кто побранил тебя, или осуждаешь его, или другое что неприятное ему делаешь, или, не делая ничего такого, держишь страсть неприязни против него в сердце своем, а не прощаешь ему от всей души и не молишься о нем Богу – то вот и стал ты врагом Христу, потому что поступаешь противно заповедям Его; стал ты врагом и себе самому и губишь душу свою тем, что сделал (в силу такого непростения брату) все прежние свои грехи неизгладимыми и непростительными. Еще, если кто ударил тебя в правую ланиту, а ты не только не обращаешь к нему левой, но сам ударяешь его, то се – опять сделался ты воином и рабом диавола. Ты ударил не брата только, но чрез брата, которого ударил, ударил и Самого Христа, Который повелел не ударять его, но обращать к нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьмет у тебя золотую или другую какую вещь, или ты дашь кому взаймы, или похитит кто что-нибудь у тебя и не захочет потом отдать или потому что ничего уже не имеет, или по корыстолюбию и

злонравию, и ты не сносишь благодушно и незлобиво такого похищения, но тащишь виновного в суды, ввергаешь в темницу и делаешь все возможное, чтоб обратно получить свое – то скажи мне, не явный ли ты враг Богу и душе своей, делая все такое? Ибо если тебе повелено посещать заключенных в темнице и служить им по силе своей, не требовать своего от того, кто его взял, отдавать и срачицу тому, кто хочет судиться с тобою и ризу твою взять, предавать тело свое на смерть за заповедь Божию, если, говорю, ты, коему даны такие повеления, идешь в суды из-за вещей тленных, преступая повеление Божие, если скорбишь, гневаешься и ввергаешь брата в темницу – не явно ли, что ты выходишь из ума (христианского здравомумия), прогневляешь Бога, противясь Ему, и себя самого лишаешь вечной жизни?

Итак (возвращаясь опять к паству), кто хочет пасти стадо Христово и питать разумных овец, научая их всему тому, о чем мы сказали, чтоб сделать их тучными от добрых дел и многородных добродетелей, тот как может в то же время заботиться о полях и виноградниках и пещись о прочих стяжаниях своих, чтоб сохранить от похищения и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить в суды и заводить состязания, бывая при сем иной раз для других причиною клятв, и клятв ложных? Ибо если он прав, то противникам его нужна бывает прибегать к явной лжи и ложным клятвам, что как может снести боголюбивая душа? И как может быть приятно Богу, Который сказал: *Аз же глаголю вам не клятися всяко. Буди же слово ваше, ей, ей; ни, ни; лишние же сею от неприязни есть* (Мф. 5, 34, 36). И еще: глаголю же вам: яко всяко слово праздное, еже еще рекут человецы, воздадут о нем слово в день суда (Мф. 12, 36).

Итак, по причине всех таких пагубных для души случайностей, умоляю вас, братия и отцы мои, если верите Самоистине Христу и сказанным мною словам, не ищите престолов и епархий, игуменств и предстояний над другими славы ради человеческой и для телесного покоя, боясь суда Божия и страшного одного приговора, который устами пророка Иезекииля изрек Он против не как следует пасущих овец Его: *сия глаголет Адонаи Господь: Оле, пастыри Израилеви! еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри? Се, млеко ядите и волною одеваются, и тучное закалаете, а овец Моих не пасете: Изнемогшаго не подъясте и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не разыскасте и крепкое оскорбисте трудом и властью наказасте я и наруганием. И разсыпашася овцы Моя, понеже не имеяху пастырей. И немного ниже опять говорит Он: се, Аз на пастыри, и възыщу овец Моих от рук их, и оставлю я от паствы овец Моих* (Иез. 34, 2–5, 10). И еще: *и страж, аще увидит меч грядущ, и не вострубит трубою, и нашед меч возмет от них душу, та убо беззакония ради своего взяся, а крове ея от руки стража възыщу* (Иез. 33, 6). Страшны, братия мои, эти слова, изреченные Богом на пастырей. Посему станем лучше заботиться о том, чтоб добре пасти самих себя, яко стадо Христово, яко царское священство, подчиняя плоть духу, да не побеждается лучшее худшим, то есть душа телом. Когда же внидем во глубину смиренномудрия, омоем скверны грехов наших слезами своими, стяжем кротость сокрушением сердца и смиренномудрием, великою жаждою правды Божией привлечем утление ее неизреченными благами Царства Небесного через утешения Духа Святого; потом, когда восприимем утробы щедрот и сострадания, стяжем сердце чистое совершенным бесстрашием и узрим свет Божий, то есть Самого Духа Святого действующим в нас и глаголющим о сокровенных тайнах Царствия Божия, как лица, посредством глубокого мира сочетавшие в едино мудрование душу и тело, когда умиротворим себя и сделаем по душе и телу согласным орудием Богу во едином духе, когда к тому претерпим еще ради Христа множество искушений, скорбей и бед и навикнем укоряемы благословлять, гонимы терпеть, хулимы молить (1 Кор. 4, 12, 13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпевая и всячески стараясь сохранно пройти искусы сей, без малейшего колебания в терпении, которое есть основание добродетелей – когда таким образом посредством всех сказанных добродетелей возрастет возрастом по Христу и восте-

чем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, со стяжанием совершенного Боговедения и мудрости словес и таин оных, кои подает Дух Святой – когда, говорю, совершится в нас все сие и мы достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим себя и на пользу братий наших. Впрочем, и тогда не следует нам самим искать этого, но уступать, если Богом будем призваны к тому, не превозношения ради, но чтоб быть рабами всех, как говорит Господь: кто хочет быть больший в вас, будь всем раб и всем слуга (Мк. 10, 43, 44). Но пока не достигнем мы совершенства и бесстрастия, до тех пор да минует нас начальствование над другими, прошу вас. Будем лучше в послушании духовным отцам нашим и Богу, все держащему во власти Своей, будем каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможем познать Бога, что Он неложен во всем, что обетовал даровать любящим Его и исполняющим Божественные Его повеления. Он исполнит всякого по делам Его в Царствии Своем. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят третье

- 1. О бесстрастии и добродетельной жизни.*
- 2. Как отсечь волю свою и востечь на высоту совершенства?*
- 3. О соединении Бога с душою и души с телом.*
- 4. О преславном соединении трех сих – Бога, души и тела.*
- 5. О духовном врачевстве и как надлежит врачевать немоществующих душою?*

1. Многократно беседуя с братьями, находящимися в мире, я почти от всех их слышал, что невозможно человеку взойти на такую высоту бесстрастия, чтобы он, беседуя и вкушая пищу вместе с женщинами, нимало не повреждался от того в душе своей и не подвергался тайному некоему движению нечистому. Слыша это, я много скорбел, плакал и проливал слез о тех, которые говорят так. Ибо очень хорошо знаю, что они говорят это по великому неведению дела, то есть что совсем не знают опытно силы благодатных даров Божиих. Если б они не были лишены истинного бесстрастия, ослеплены мраком страстей и поработаны славом и похотям плоти, то, конечно, знали бы и они о животворной мертвости, какую Христос Иисус, Бог наш, дарует святым членам Своим, и не неверовали бы о ней. Тем, кои таковы, как возможно поверить, что бывают люди мертвые миру и живущие только жизнью, которая в Духе Святом, тогда как они всю жизнь свою о том только и заботятся, как бы понравиться людям и заслужить у них название боголюбивых и святых и, следовательно, все дела свои делают лицемерно? Как они думают, будто исправляют дело бесстрастия, оставаясь страстными, будучи, то есть, и бывая всецело грех, и как уверяют себя самих, что одни похвалы людские достаточны для добродетели и святости; так опять, когда отрицают бесстрастие и говорят, что во святых нет его, то хотят быть и именоваться святыми без бесстрастия, как бы стяжевая святость одними людскими похвалами. Того, кого не хвалит толпа просто и как пришлось, они почитают за недостойного и презираемого, не зная, несчастные, что лучше один знающий Бога и знаемый Богом, чем мириады неверных, не знающих Бога, хотя их хвалит и ублажает весь мир; как и тот, кто видит, лучше бесчисленного множества слепых.

Но что возможно достигнуть свободы от страстей, или бесстрастия, тому, кто истинно подвизается; что тому, кто получит благодать Божию, возможно возвыситься до состояния бесстрастия душевного и телесного и не только не быть тревожимым страстями тогда, когда беседует или вкушает пищу вместе с женщинами, но даже когда находится среди города, слышит там пение и музыку и видит смеющихся, забавляющихся и пляшущих, не терпеть никакого совершенно вреда, и что такие люди действительно есть и бывают, о сем свидетельствует всякое писание святых; немало пишется о сем свидетельствах также в истории и жизнеописаниях святых. Для сего-то бесстрастия бывает у богочестивых всякое делание подвижническое, всякое лишение произвольное и всесторонняя к себе строгость. Первое дело подвизающихся по Богу есть убежать от мира и от всего, что в мире. Миром я называю настоящую жизнь, то есть сей временный век. Под тем же, что в мире, я разумею все окружающее нас, что повелевает нам Господь оставить и убежать от того всего, то есть оставить отца, мать, братьев, сестер, сродников, друзей, имущества, деньги и вообще всякое богатство. Не потому так требуется, чтоб это были вещи запрещенные и вредные, но потому, что, находясь среди их, не можем мы избавиться от пристрастия к ним. Одолеваемый похотными сластями, если не отсечет причин, возбуждающих сласти греховные, и не удалится от них, не может никак освободиться от похотения их.

2. Когда же обнажится он от всего того, что составляет его собственность, тогда долг имеет он отречься и от самой жизни своей, если искренно ревнует о добродетели, а это совершается умерщвлением и совершенным отсечением своей воли. Волю же разумею я не

внешнего только касающуюся, то есть чтоб не есть, не пить, не делать никакого дела по своей воле, не спать и вообще ничего, сколько бы иное ни казалось хорошим, не делать без позволения настоятеля своего – но и внутренних движений сердца, именно, чтоб не смотреть страстно ни на что, не осуждать никого внутренне, не радоваться ничьему падению, не гневаться в сердце своем, никому не завидовать, не ревновать злою ревностью. И где мне перечислить все свойства и все признаки благочестивого настроения сердца, чтобы показать тебе поточнее, каков должен быть истинный христианский подвижник. Послушай, впрочем, и еще о некоторых требованиях животворного самоумерщвления, именно: никогда не скрывай от духовного отца своего никакого даже малейшего помысла; сколько можешь, ни одного дня не пропускай без слез – не убеляй чрезмерно лица своего, как есть обычай неким; не убирай, как по красивее, волос головы твоей и твоей бороды; не отрешай пояса своего, когда ложишься спать, чтоб не разнежилось тело твое и ты не проспал более должного; не влагай рук своих за пазуху или под мышку по телу; не хватай другого за голое тело, не жми и не три его нежно; не смотри просто и как ни попало на лицо даже старческое, потому что лукавый, который при всяком случае встречается с своим худом, везде вертится; не кивай одному насчет другого; не говори никакого слова неподобающего; не умалчивай ни о чем, что должно быть сказано; не оставляй никогда обычного своего правила, до самой смерти; не заводи особенной дружбы ни с кем, хотя бы кто казался святым; нисколько, ни много ни мало, не заботься о красивой одежде и обуви, кроме необходимых, и эти пусть будут степенные и смиренные; не вкушай никакой пищи на услаждение и не касайся такой, которая тебе нравится. Подвизающийся воздерживается от всего этого и от многого другого большего. И опять, кто нерадит и не воздерживается от всего этого, тот каждочасно творит волю свою, хотя ублажается всеми людьми как отрекшийся от мира. Кто воздерживается во внешнем, в том, что всем видно, тот оглашается и похвывается как подвижник теми, кои не умеют добре видеть внутреннее. Но если такой тайно творит волю сердца своего, то он нелюб Богу как нечистый, и хотя бы тысячи лет провел, так подвизаясь, никогда не найдет пользы от одних внешних подвигов.

3. Кто же воздерживается от всего и обучает душу свою не кружиться в беспорядке там и сям и не творит ни в чем воли своей, наипаче же в том, что негодно Богу, но понуждает ее неотступно ходить в заповедях Божиих, с теплою любовию и со столь великим вниманием, как если бы шествовал на высоте воздушной по какой-нибудь веревке, таковой в короткое время обретет Бога, сокрытого в тех Божественных заповедях, Которого, как только обретет, так забудет все и станет вне себя и, припадши к Нему, вседушно возжелает зреть Его и только Его единого. Когда после сего Бог промыслительно скроется от очей его умных, тогда объемлет его скорбное недоумение и он начинает опять проходить с начала путь заповедей Божиих и теши им спешнее, сильнее и опасливее, смотря под ноги, ступая обдуманно, жегом бывая воспоминанием, горя любительным желанием и воспламеняясь надеждою опять увидеть Его. Когда же таким образом долгое время теча и преутрудившись, не возможет достигнуть желаемого и в изнеможении совсем упадет духом, так что и теши далее уже не станет у него сил, тогда внезапно узрит он Того, Кого искал, достигнет Того, Кто бежал от него, обымет Того, Кого вожелел, и станет опять весь вне мира и забудет весь этот мир, соединится с Ангелами, обольется светом, вкусит от жизни, сретит бессмертие, исполнится утешительной сладости, взыдет на третье небо, восхитится в рай, услышит неизреченные глаголы, внидет в Женихов чертог, пройдет до места, где покоится Жених, увидит Его Самого, сделается общником духовного брака, насытится, пия от таинственной чаши и вкушая от тельца упитанного, от хлеба животного и от питья жизни, от агнца непорочного и от манны мысленной, и получит все оные блага, на которые не дерзают воззреть и самые Ангелы. Находясь в таком состоянии, он горит, как огонь, и просвещается Духом Святым и еще отселе, из настоящей жизни, провидит таинство обожения своего. Став весь огнем по душе, он и телу передает от стяжанного внутри светлоблистания, подобно тому как и чувственный огонь

передает свое действо железу – и бывает тогда душа для тела тем, чем Бог стал для души, как говорит богословский глас. Ибо как душе невозможно жить, если не бывает она просвещаемая Творцом своим, так и телу невозможно жить, если не получает на то сил от души.

4. Вникни повнимательнее в смысл сказанного: Бог, душа, тело. Бог безначальный, бесконечный, неприступный, неисследимый, невидимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, бесстрастный, неизглаголаный, Который в последние дни явился нам во плоти через Сына и познался через Духа Святого, как веруем, подобным нам по всему, кроме греха – сочетается с душой мысленной ради моей души, чтоб и дух спасти, и тело сделать бессмертным, как сказал Григорий Богослов (в Слове на Рождество Христово), и при этом изрекает такое обетование: *вселяюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). *Аз и Отец приидем и обитель в них сотворим* (Ин. 14, 23) – в тех, то есть, которые веруют и веру свою показывают делами вышесказанными. Но внимай! Поелику Бог обитает в нас, истинных рабах Своих, и ходит в душах наших чрез действия и осияния Духа Святого, то веруем несомненно, что души, сего достойные, неотлучны от Бога. Поелику опять душа находится во всем теле и не оставляет без себя ни одной части, то необходимо следует, что волею души и управляется вся сия плоть, нераздельная с душой и не могущая жить без души, ибо как невозможно телу жить без души, так невозможно, чтоб оно имело волю особо от души.

Итак, явно, что как во Отце, Сыне и Святом Духе поклоняется единый Бог, без слияния трех Лиц и без разделения единого существа и естества, так опять и человек бывает по благодати богом в Боге, и по душе и по телу, без слияния и разделения; и ни тело не прелагается в душу, ни душа не изменяется в плоть; и опять, ни Бог не сливается с душою, ни душа не претворяется в Божество. Но Бог пребывает, как есть Бог, и душа опять пребывает так, как есть естество ее, и тело, как создано, персть; и Сам Бог, Который дивно связал сии два – душу и тело – и срастворил мысленное и невещественное с перстью, соединяется с сими двумя без слияния, и я человек бываю по образу и подобию Божию, как показало слово. Впрочем, если вам кажется благословно, скажем опять то же. Движимый духовным удовольствием и радостью, я желаю сказать вам опять то же, чтоб яснее представить вам такие мысли: Отец, Сын и Дух Святой – Бог един, Коему мы служим и поклоняемся. Бог, душа и тело – человек, созданный по образу и подобию Божию и удостаивающийся быть богом по благодати.

Но для чего распространил я слово мое об этом и по какой причине сказал более подробно, как человек бывает богом по благодати? Для того, чтоб устыдились или, лучше сказать, познали самих себя те, которые не имеют в себе черт образа и подобия Божия и отделены от Бога, да плачут о себе самих, познав, каких благ они лишены, и слушая слово мое, да узрят, какие страсти обладают ими, и да уразумеют, какая глубочайшая тьма покрывает их; вследствие же сего да убоятся противоречить тем, кои имеют в себе благодать Божию, ею всему научаются и с нею вся могут, и далее да престанут говорить, будто никому из тех, кои живут по Богу, невозможно, находясь среди мира и принимая пищу или беседуя с женщинами, пребыть неоскверненным душевно и телесно. Есть Бог бесстрастный, никакого не имеющий пристрастия к видимому. Впрочем, я знаю, что те, которые не могут зреть душевными очами (потому что они не отверсты) и даже не чувствуют, что есть свои в душе чувства (для духовных вещей), не понимая смысла сказанного мною слова, возразят мне, говоря: знаем и мы, что Бог бесстрастен, и не в отношении к Богу сомневаемся в этом, но в отношении к человеку. Но для того, чтоб заградить таковым уста, я и сказал выше, что и человек бывает богом по благодати чрез дарование ему Духа Святого. Отчего и бывает, что как солнце, освещая нечистые места, не оскверняет нимало лучей своих, так не оскверняется душа или ум облагодатствованного человека, носящего в себе Бога, если случится чистейшему телу его прийти в соприкосновение с нечистыми телами человеческими. И не только это, но если б случилось ему быть заключену в темницу вместе с бесчисленным множеством неверных и нечестивых, преисполненных всякою скверною, и голому телом тереться с ними

голыми, и тогда невозможно, чтоб он или в вере повредился, или отдалился умом от Владыки своего Бога и забыл дивную оную красоту Его. Многое такое бывало с мучениками и другими святыми, и, однако ж, эта кознь диавола не причинила им никакого вреда, потому что они имели Бога, обитавшего и пребывавшего в них. Кто или от начала сохранил в себе черты образа и подобия Божия, или, потеряв их, потом опять возвратил себе, таковой вместе с тем получает способность смотреть на вещи как они есть по природе своей и после того, яко во дни благообразно ходящий, так и смотрит уже на все вещи, как они есть по их природе, не смотрит на цвета, красоту и блистательность их, но, помышляя о существе и свойствах их, пребывает невозмутим никакою по поводу их страстностью, внимая лишь тому, что в них есть существенного и чем они всегда пребывают. Смотрит на золото, но не приковывает ума своего к его блеску, а помышляет лишь о материи, из коей оно, то есть что оно земля, персть или камень и не может никогда измениться во что-либо другое. Смотрит на серебро, маргариты и всякие драгоценные камни, и чувство его не обольщается приятностью привлекательной цветности их, но смотрит на все эти камни как на всякий другой простой камень, считая все их пылью и прахом. Смотрит на шелковые красивые одежды и не дивится их многообразию и разноцветности, помышляя, что они все суть испражнение червей, и скорбя о тех, которые радуются из-за них и блюдут их как драгоценности. Смотрит на человека, славимого, шествующего по улицам в сопровождении множества народа и гордящегося такою славою, и, почитая видимое сновидением, дивится невежеству людскому и посмеивается ему. Видит мир, шествуя среди какого-либо большого города (свидетель истины слов моих – Господь, совершающий в нас сие), и, однако ж, находится в таком блаженном состоянии, как бы был один во всем мире и находился в месте пустынном, не проходимом людьми, как бы ни с кем не имел никакого дела и не знал никого из людей, живущих на земле.

Таковой человек, если увидит и женщину, хоть бы самую красивую, не смотрит на красоту лица ее, но видит ее тлеющую и разлагающуюся, как бы она незадолго умерла и сделалась вся пищею червей и комом вонючей грязи, как сие и в самом деле бывает. Ум его никогда не станет заниматься красотой женщины, но представляет вещество, из коего она, и тление, для коего она готовится. Но если пожелает он и о внешней ее красоте подумать, то умеет от творений возвышаться к Творцу и удивляться Ему, а не служить твари паче Творца. Таким путем, от величия и красоты тварей, познает он Создателя; ум его восходит к созерцанию Его и воспаляет душу стремиться к Сотворшему ее, вместе с чем возрождаются в нем Божественная любовь и слезы, и бывает он весь вне видимого, отрешаясь совершенно от всех тварей. Ведай же, что как свет чувственных очей наших шлется нами инуды и зрительную свою силою обходит все, сущее пред ним, не оскверняясь ничем из того, что видит, хотя многое в том бывает и срамное, и мы опять этот свет очей своих переносим на другое неоскверненным – так и ум святых, если случится ему обратить внимание на нечистые и мерзкие страсти, не оскверняется, потому что он у них наг есть и отдален от всякого страстного похотения. Если и захочет кто из них рассмотреть их, то делает это не для чего другого, как для того, чтоб обсудить и познать добре страстные движения и действия страстей, от чего они рождаются и какими врачевствами усмиряются. Так, как слышно, делают и врачи, которые рассекают мертвые тела, чтоб рассмотреть устройство тела и познать по мертвым оным телам, что находится в телах живых людей, и этим знанием пользоваться потом при врачевании болезней, не видных наружно. Так делает и духовный врач, желающий искусно врачевать страсти души. Чтоб тебе показать в слове врачевательное искусство его, я представлю тебе это в примере.

5. Предположи, что кто-нибудь из больных душевно идет к духовному врачу, омраченный страстью, смятенный весь умом, и вместо врачевства просит у него того, что вредит, что или увеличит его болезнь, или причинит ему даже смерть. Смотрит человеколюбивый и сострадательный врач на сего болящего брата, вникает в болезнь его, жжение и резь от

нее и находит, что она и без того к смерти, если не принять мер. И что делает? Не кричит на него за его неразумное прошение, не отказывает ему тотчас во врачевстве желаемом, не говорит, что оно худо и смертоносно – не дам тебе его! – чтобы тот не убежал от него, не пошел к другому врачу, неопытному во врачевании душевных болезней, и, получив от него желаемое, не умер тотчас, но показывает ему всякую снисходительность и искренность, чтоб убедить его, что готов лечить его тем лекарством, которого он просит, и удовлетворит его желание. Слыша это, больной ожидает врачевства с радостью. Врач между тем, как опытный и мудрый врачеватель, представляет ему другие врачевства, которые по виду сходны с желаемыми больным, но существенно разны по составу и инаковы по вкусу и дивны по силе действия. Ибо только что примет больной эти врачевства, как уже ощутит врачевательную их силу – тотчас прекращается или умалется жжение страсти и начинается закрываться рана душевная, что и располагает его к ним; о тех же врачевствах, которых он прежде желал с таким жаром и неудержимостью, и вспоминать ему нежелательно. И видеть можно чудо некое, в нем и в подобных ему совершающееся – как эти врачевства, обыкновенно не так приятные, делают больных здоровыми, закрывают раны, погашают жжение, и тех, которые прежде алкали вредных и смертоносных яств, располагают желать одних полезных и всем рассказывать о дивном искусстве врача и мудром его методе врачевания.

Да слышат сие здравствующие и да поймут, что сказано мною прикровенно, если прияти благодать духовного разумения, потому что больные не могут этого понять, тем более когда они даже не знают, что больны. И таких кто в силах убедить, что они больны? Ибо они самую эту болезнь свою почитают здоровьем и желают всегда творить волю плоти и все, чего требует их похоть и естество. Как невозможно убедить тех, кои вышли из ума, сознать, что они действительно вышли из ума, так и тех, кои валяются в страстях и, состоя в рабстве у них, не чувствуют своего им рабства, никто не может довести до сознания, что они находятся в таком худом состоянии, или убедить их перемениться на лучшее. Они слепы и не верят, чтоб кто-нибудь был видящ; как же их убедить, что и для них возможно, чтоб они открыли очи свои? Если б убедились в этом, то, может быть, и они взыскали бы открытия очей своих; обретши же его, увидели бы ясно и познали тех, кои распялись миру. Но как они не хотят освободиться от страстей, то тем самым затыкают уши свои и не могут внятно слышать апостола Павла, который говорит: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *умертвите убо уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую илихоимание* (Кол. 3, 5).

Кто таким образом умер миру (что и есть крест), кто не сам живет, но в ком живет Христос, кто умертвил уды, яже на земли, страстные движения тела, сделав его непричастным никакой страсти или никакой похоти злой, тому как возможно, скажи мне, воспрять хотя малое какое чувство страстное, или попустить себе испытать движение сласти греховной, или наклониться к ней хоть сколько-нибудь в сердце? Если же не веришь еще сему и отвергаешь сказанное мною, то подумай, кого ты осуждаешь и кого полагаешь соучастником в грехе? Увы твоей продерзости! Ибо о тех, которые имеют в себе пребывающим и живущим Христа, о тех говоришь ты, что они обольщаются в сердце своем славью греховною. По таким словам твоим выходит, что Христос, Который греха не сотвори, ниже обретется лествицею во устех Его, Он, взявляя грехи мира и избавляющий души, с Ним соединившиеся, от всякой страсти, сделался соучастником в грехе. Вижу, человече, что ты не понимаешь, что я говорю тебе, и сколь велика хула, тобою произносимая. Не трепещешь? Не заграждаешь себе уст рукою своею? Не учишь языка своего не говорить того, чего не испытал еще ты на деле, чего не познал умом своим, чего не видели очи твои и величия чего не принимало ухо твое? Не знаешь разве, что те, которые испытали это и делом и словом, смеются над тобою как над несмысленным, когда ты берешься говорить об этом, потому что говоришь все наыворот? Итак, если ты сподобился получить Божественную благодать, то учи свободно о том, что

касается благодати, и богословствуй беспрепятственно о Боге по естеству и о сынах Божиих по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человеки суть рабы славы Божией. Если же исповедуешь – и хорошо то делаешь – что не получил ты такого дарования, не чувствуешь, чтоб умер ты миру, не сознаешь, чтоб взошел ты на небо и там укрывался один, не показываясь вне, если не исшел ты вовне мира, подобно Павлу, в теле ли или кроме тела, если не знаешь, что изменился весь и стал как дух чрез отложение и отвержение плоти, духовная духовными срассуждая – если, говорю, не сделался ты таковым, то почему не молчишь и не ищешь в покаянии и слезах получить и испытать сие, но охоч говорить попусту о том, чего не знаешь, любишь, чтоб тебя называли и без того святым, не поперечишь молве, будто ты более, чем другие, спасен, не трепещешь принимать чужие помыслы, учить других и руководить их к свету, будучи сам лишен Божественного света, не боишься пасти братию, сидя сам еще во тьме и не стяжав еще того ока, которое видит истинный свет, не стыдишься врачевать других, будучи сам весь в болезни и не чувствуя собственных своих ран? Скажи мне, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтоб был бесстрастен, и не чувствуешь, чтоб обитал в тебе бесстрастный Бог, то на что дерзая и полагаясь, взял ты на себя дела, свойственные бесстрастным, и служения, принадлежащие одним святым рабам Божиим? Внимай добре, чтоб, забывшись, не взойти на чужие степени и служения и после не быть изгнану во тьму кромешную как презрителю воли Божией и как дерзкому и непотребному рабу. Смотри, как бы не оказаться тебе не имеющим брачной одежды (которая не другое что есть, как благодать Святого Духа) и как обнаженному от нее не быть связану по рукам и ногам и ввержену в огонь гееннский. Поостерегись братья пасти других, прежде чем стяжешь верным другом пастыря Христа, ибо ведай, что имеешь дать ответ не только за свое недостоинство, но и за разумных овец, которых погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужих долгов, будучи сам должником, хотя бы то и небольшим долгом. Не дерзай давать кому-либо разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира. Внимай, брате, чтоб не восхотеть судить другого, прежде чем сделаешься верным судиею себя самого и исследователем собственных своих падений и прежде чем сам над собою произнесешь праведный приговор и воздашь должное правде слезами и плачем. И тогда уже, как освободишься от закона плоти и от смерти греховной и исполнишься Духа Святого, тогда соглашайся на поставление себя благодатию Божией в праведные судьи для суда над другими, яко рукоположенный на то от Бога благодатию Духа. Смотри, как никто из мирских начальников не дерзает восходить на степень судей, прежде чем будет определен на то царем. Если теперь в отношении к человеческим достоинствам соблюдается такой порядок и держится такой страх, чтоб как-нибудь не погрешить пред земным царем – то какое благоговение и какой страх должны мы держать в отношении к Божественному, чтоб не восходить саморукоположенно на достоинства Божии самим от себя и по человеческому суду, прежде чем призваны будем к тому от Бога, и чтоб не впасть за то в руки Бога живого? Вострепещи, человече, убойся долготерпения Божия и не покажись таким, что имеешь пред Небесным Царем и Богом меньший страх, чем какой мирские начальники имеют пред царем земным, или что нерадишь о богатстве благодати и долготерпения Божия по славолобию и властолюбию. Он есть Властитель всяческих и страшный Судия всех, воздающий каждому по делам его и по помышлениям сердца его. Почему как мирские власти приносят земному царю честь и страх, так и ты принеси небесному Царю и Богу хотя такие же честь и страх, чтоб, почитая Его и боясь, таким образом мог ты соблюсти заповеди Его, а чрез такое соблюдение заповедей Его предуготовить себя самого к тому, чтобы сподобиться соделаться жилищем трисиянного света Его, как неложно обетовал Сам Он, говоря: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам. И еще: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель*

у него сотворим (Ин. 14, 21, 23). Коль же скоро сделаешься ты таковым, то не будешь уже более жить для себя самого, но увидишь, что ты мертв для мира, как имеющий плоть свою мертвою и неподвижною на грех, жив же Богови, яко от Него действуемый и движимый. Увидев себя в такой славе, начнешь ты велегласно в радости душевной вопиять с божественным Павлом: благодарю Бога моего, что закон духа жизни о Христе Иисусе освободил меня от закона греховного и смерти. С этого момента и далее не будешь ты уже полагать различия мужеского лица и женского и не будешь подвергаться вреду от них, яко приявший то, что по естеству (введенный опять в состояние, свойственное человеку по естеству его), и не смотрящий более на творения Божии по естеству их, но, будешь ли находиться и беседовать с мужами или с женами, останешься невредимым и несдвигаемым с стояния твоего по естеству, смотря на них как на члены Христовы и храмы Божии. Но прежде чем достигнешь ты в такую меру и прежде чем увидишь в членах своих животворную мертвость Иисус Христову, очень хорошо сделаешь, если будешь избегать лиц, причиняющих тебе вред, которые сами по себе, конечно, не имеют ничего худого и соблазнительного, но мы прельщаемся ими и по поводу их влекомы бываем к неуместным пожеланиям по причине живущего в нас первородного греха. Если будешь так поступать, то вся жизнь твоя будет безбедственна и ты не поткнешься никогда ногой твоей о камень греха – если, разумею, ты будешь иметь Бога в себе или будешь подвизаться стяжать Его с помощью Христа, Бога нашего, Кому подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и Всесвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят четвертое

1. О бесстрастии и о дарованиях, каких мало-помалу сподобляются преуспевающие в нем.

2. В чем состоит совершенство духовного о Христе возраста?

1. Как тому, кто хочет чисто видеть свет солнца, надо иметь чистыми очи тела своего, так и тому, кто берется беседовать о бесстрастии, надо иметь очи души своей освобожденными от всякой злой похоти и всякого помысла страстного, чтоб, не будучи тревожим и возмущаем в уме никакою страстью, мог он чисто взирать на высоту и на глубину его или понять как следует многие и великие его дарования и действия и ясно изложить их в слове. Ибо если станет он говорить о его проявлениях и свойствах с умом возмущенным и сердцем нечистым, то, не смоги словом свободным раскрыть его действия, лишен будет и тех немногих благ его, какие, может быть, получил от него за то, что, действуя так, он некоторым образом презирает и бесчестит его и затмевает светлость его. Ибо написано: *имущему дано будет и преизбудет, от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29). Которые имеют бесстрастие, те очевидно любят его и любимы суть от него преизбыточно, и когда ненасытно говорят о нем, делаются еще более бесстрастными, воспламеняясь любовию, какую имеют к нему. Но которые привязаны и некоторым образом связаны еще хотя малейшею какою похотью мира и вещей мирских или какою-либо душевною или телесною страстью, эти далеки от него и много отдалены от пристани его. Почему когда начнут говорить о бесстрастии и покусятся возвести ум свой на высоту его, теряют и тот мир, который, как им думалось, имели они прежде, по той причине, что емятся, как рабы, и бывают влачима туда и сюда похотью той страсти, к какой они прилепились. И это страждут они праведно, ибо, как говорит апостол, *имже кто побеждается, сему иработен есть* (2 Пет. 2, 19).

Они, однако ж, будучи омрачаемы в уме своем тою страстью, коей поработены, вину омрачения не на себя самих возлагают, но дерзают слагать ее на бессилие всесильного бесстрастия, и это бывает с ними потому, что они совсем не познали опытно, каково умное чувство, созерцание и вседейственное действо сего бесстрастия, но, обдумывая относящееся к нему по своим мыслям и соображениям, при высоком мнении о своей внешней учености философствуют о нем иногда так, иногда иначе и истощаются в усилиях над тем, чего не знают. При всем том они никогда не согласятся исповедать или восчувствовать свою немощность, причиненную им неверием, нерадением и долговременною привычкой к страстной жизни, но утверждают, что и другие люди все подобны им и обладают теми же страстями. Ибо тщеславие и зависть не позволяют им признать, что кто-либо другой выше их по добродетели и здравоумию.

Но богомудрые и духовные отцы не поступают таким образом и не идут против истины – не буди тебе сказать такую хулу на святых, а чем просветились в уме своем от блаженного бесстрастия и что познали прежде из опыта, то говорят и утверждают. Я же говорю дерзновенно то, чему сподобился научиться у сих отцов, чтоб не быть осуждену, подобно рабу, скрывшему талант. И так, как дают разуметь сказанные Христом Господом слова: *много званых, мало же избранных*, и: *в дому Отца Моего обители мнози суть* – так и знайте все вы, что святых много, а бесстрастных немного и что в среде тех и других имеет место великое различие. Но внимайте добре в точный смысл того, что я буду говорить.

Иное есть бесстрастие души, иное – бесстрастие тела. Бесстрастие души освящает и тело; но бесстрастие тела, одно само по себе, не может полную доставить пользу тому, кто стяжал его. Иное есть недвижение (на худое) телесных (яже на земли) удов и самых страстей

душевных, и иное есть стяжание добродетелей. Недвижение телесных (яже на земли) удов бывает от естества, а стяжание добродетелей – от произволения (при помощи благодати), и оно обыкновенно совсем пресекает все естественные движения. Иное есть непохотение ничего из того, что есть приятного и радостотворного в мире, и иное – возжелание небесных и вечных благ, ибо мирское приятное и радостное презирали и другие люди (не ревнующие о спасении), и большая из них часть по другим причинам (не в видах спасения), а о благах вечных весьма немногие воспринимали попечение. Иное есть неискание славы от людей, и иное есть возлюбление славы от Бога и всегдашнее ее искание, ибо человеческую славу очень многие ненавидели, потому что были обладаемы другими страстями, а славу, яже от Бога, очень немногие сподобились получить со многим трудом и потом. Иное есть довольствоваться бедною одеждою и не желать богатой, и иное – искать того, чтоб быть одеяну светом Божиим, ибо богатое одеяние презирали многие, потому что были влачimy многим множеством других пожеланий, а Божественным светом одеялись только те, кои сподобились соделаться сынами света и дня.

Иное есть говорить смиренные слова, и иное – иметь смиренное мудрование. Иное опять есть смирение, а иное – цвет смирения, и иное – плод его. Иное есть красота плода его, а иное – сладость его, и иное – действия, бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное – не в нашей власти. В нашей власти – помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать, но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действиями, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтоб не вздумал кто хвалиться даже и этим.

Иное есть не печалиться и не гневаться при бесчестиях, поношениях, искушениях и встречающихся прискорбностях, и иное – желать этого с благодарением, когда случится что такое. Иное опять есть – молить Бога о тех, кои причиняют это, иное – прощать им, иное – любить их от всей души как благодетелей, и иное – напечатлевать в уме лица каждого из них и целовать их бесстрастно, как искренних друзей своих, со слезами чистой любви – так, чтобы на душе не было совершенно никакого знака оскорбления или страсти. Большее из всего сказанного есть, когда кто в самое время искушения таковое же имеет расположение и к тем, которые поносят его в лицо или клеветуют на него, и ко всем другим, кои или осуждают его, или презирают и ставят ни во что, или плюют в лицо, еще и к тем, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно так же действуют против него, как и сказанные пред сим, и это не утаивается от него, но он то знает. И из этого опять высшее и совершеннейшее без сравнения есть, мне кажется, то, если кто совсем забывает претерпенные искушения и никогда не вспоминает тех, кои его опечалили или как-нибудь обесчестили, ни когда они бывают налицо, ни когда отсутствуют, но имеет и их наравне с друзьями своими без всякого различия, сколько когда беседует с ними, столько же и тогда, когда вкушает вместе с ними пищу. Все это суть дела и совершенства мужей, ходящих во свете. Которые же чувствуют, что они далеки от таких порядков и правил жизни, те пусть не обольщаются и не обманывают себя, но да ведают наивернейше, что они ходят во тьме.

Иное опять есть бояться Бога, и иное и исполнять заповеди Его, как написано: *бойтесь Господа, вси святии Его* (Пс. 33, 10), и еще: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Иное есть бездействие (упразднение от дел), а иное – безмолвие, и иное опять молчание. Иное есть удаление и преселение с одного места на другое, и иное – странничество. Иное есть негрешение, и иное – делание заповедей. Иное есть противиться врагам и бороться с ними, и иное – победить их окончательно, покорить и умертвить: первое есть дело подвижащихся и святых, ревностно идущих к совершенству, а второе есть дело бесстрастных и совершенных, которые многими трудами и потами победили врагов своих вконец и украсились, как какой блестящею одеждою, живоносной мертвостью Христовой.

К достижению показанных совершенств многие устремлялись одни для одной, другие для другой цели. Но весьма немногие приступали к сему с истинным страхом Божиим, с любовью искреннею и верою несомненною – которые одни, спомоществуемы будучи благодатию Божиею, скоро навывают деланию заповедей и преуспевают во всех сказанных выше отличиях, каждочасно возраста в добродетелях. Другие же оставляются блуждать, как в непроходной (бездорожной, судя по слову псалма 106, 40: по непроходней, а не по пути) пустыне – о каковых написано: *отпустих я по начинаниям сердец их, пойдут в начинаниях своих* (Пс. 80, 13). *И якоже не искусиша имети Бога в разуме, (сего ради) предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 28). Итак, те, которые на камне послушания святым отцам положили доброе основание веры и надежды со страхом и трепетом, и на сем основании устроят верность заповедям, какие дают им духовные отцы, соблюдая их, как бы их налагал на них Сам Бог – такие тотчас преуспевают в отвержении себя. Творить не собственную свою волю, но волю духовного отца своего, по заповеди Божией, и таким образом упражняться в добродетели – сие порождает не только отвержение себя самого, но и умертвие всему миру. Потом, когда выйдет таковой всем чувством души из мира и станет быть вне его, как в пустыне, тогда овладевается страхом и трепетом неизъяснимым и начинает вопиять к Богу из сердца, как вопиял Иона из утробы кита морского, Даниил – из рва львиного, три отрока – из печи пламенной, Манассия – из среды медного быка. Сии болезненные и скорбные стенания его и глас молитвы его тотчас услышав, Господь Всеблагий, живот Свой давший на смерть за нас, грешных, извлекает его, как извнутри кита, из бездны неведения и омрачения, наводимого миролюбием, чтоб он не возвращался более туда, ни даже помыслom – освобождает его, как из рва львиного, от злых похотей, кои похищают и скупают души человеческие, и как из печи огненной, от страстных влечений, кои господствуют во всех людях, жгут нас, как огонь, растлевают нас, с насилием тянут к неуместным деяниям и возжигают пламень страстей внутрь нас. От всего этого, говорю, Господь освобождает его, орошая его благодатию Святого Духа и делая его чрез то неопалимым – освобождает, как извнутри медного вола, от этой плоти земляной, тяжелой и страстной, в которой живущая душа наша бывает совсем неподвижна и неохоча ни на какую добродетель и делание заповедей Божиих, будучи крепко держима, туго вяжема и тяготима сею плотию как естественно соединенная с нею. Когда таким образом душа освободится от тиранства плоти (не говорю – отделится от тела чрез смерть его), тогда и она начинает взывать с пророком, говоря: *растерзал еси вретнице мое, и препоясал мя еси веселием: яко да воспоем Тебе слава моя* (Пс. 29, 12, 13), а также и благодарить вместе с Павлом, говоря: благодарю Бога Иисус Христом Господом нашим, что закон духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховного и смерти (Рим. 7, 25; 8, 2).

Когда благодатию Христовою совершится все сие в нем, как я сказал, и когда освободится он от неведения и омрачения, наводимого миролюбием, когда избавится от лукавых и скверных пожеланий и от похотей смертной плоти сей, поработавшей нас закону греховному, тогда что станет он делать с сего момента и далее? Употребит ли он эту свободу на покое себя и беззаботность? Перестань ты говорить такие речи и держать такие предположения. Такие предположения могут идти только к людям, кои поистине суть рабы, а не свободные. Тот же, кто сподобился получить сказанную свободу, знает, что освобожден от закона греховного с тем, чтоб не работать более греху, а работать правде, которая есть Христос Господь – Солнце правды, как Он именуется и есть. Чтобы показать вам, какую любовь к Богу являет таковой с того момента и далее, представлю вам это примерами из человеческих дел, которые бывают у нас каждодневно.

Представьте себе, что какой-либо царь, сострадательный и человеколюбивый, увидев раба, поработившегося самоохотно тирану, обольстившему его, безжалостно обременяемого работами в делании кирпичей, обделывании камней и рытьи канав и служащего нечистым

похотям того злого тирана, идет сам своим лицом и ищищет его и освобождает от такого срамного и тяжелого служения и опять берет его в царские палаты на услужение без всякого укора за прежнее его падение. Раб этот, освобожденный от таких и толиких прискорбностей, естественно, потом всячески усиливается явить себя более ревностным и скорым исполнителем велений царя, нежели другие его сослужители, не испытавшие плена, чтоб засвидетельствовать величайшую и теплейшую свою к нему любовь, всегда нося в памяти, от каких зол он освободил его. То же самое помышляй бывающим и в том, кто получил помощь от Бога, как я сказал. И как царь оный, видя, что раб тот исполняет всякое его хотение с великою готовностью и со всяким смирением, хотя совсем не нуждается в услужении его, имея множество других слуг, однако ж за добрые чувства раба того являет к нему особенную любовь, так то же самое бывает и с тем, о ком мы сказали. Ибо как тот, и получивший от Бога свободу духа, никогда не утомится и не перестанет от того, чтоб паки и паки и всегда исполнять волю Божию с наиболее теплейшею готовностью, так и вечный Царь и Бог никогда не лишит его благ вечной жизни, но будет снабжать его ими преобгато – и сколько увидит, что тот каждодневно умножает свою к Нему любовь и услужение, столько будет умножать и Свои ему дары.

Благодения и дары, какие Бог дает рабам Своим, бесчисленны, и никто не может вполне постигнуть их. Одни дает Он им в настоящей жизни, а другие дает в жизни будущей. Об этих дарах, какие благоутробный Бог подает любящим Его в сей жизни, скажу и я любви вашей немного нечто, иное от Божественного Писания, а иное из того, что я и сам познал опытно.

Поелику люди к трем вещам показывают особое усердие и заботу: или к богатству, или к славе, или к свободе и радости – и наслаждению, доставляемому сими двумя, то и Владыка наш и Бог тем, кои, оставив все, взяли крест свой и последовали за Ним, не возвращаясь вспять, перво-наперво богато дарует эти же три. Вместо тленного богатства Он дает им всего Себя Самого. Понял ты мысль слова сего? Слышал страшное чудо? Как богатые мира сего иждивают свое богатство на свои нужды, привычки и желаемые наслаждения, так и благий Владыка наш дарует Себя Самого истинным и верным рабам Своим, исполняет всякое их желание и потребу, как они того желают, и даже больше того, чем желают, снабжает их богато всяким благом и подает им всегда нетленное и вечное услаждение. Во-первых, они полны бывают неизреченной радости, что стяжали и имеют в себе не мир и не блага мира сего, но Самого Творца и Господа и Владыку всех. После сего они одеваются Светом, Самим, говорю, Христом и Богом, всем всецело во всех себе, видят самих себя украшенными неизреченною славою, как светлым каким и Божественным убранством, и закрывают лицо свое, не снося смотреть на непостижимое и чрезмерное сияние сего убранства своего, так что ищут какого-нибудь сокровенного места, чтоб, укрывшись в нем, как бы сложить с себя великую тяготу славы сей и сего сияния. Потом Сам Владыка Христос бывает для них и пищею и питием всегдашним и бессмертным: для тех, которые суть еще младенцы о Христе, несовершенны и не могут вкушать твердой пищи, Господь является как бы неким световым и блестящим сосцом, который влагается в уста их и дает им сосать из Себя – для каковых Христос бывает вместе и ятием и питием и доставляет им столь великую сладость и удовольствие, что они не хотят или, лучше сказать, не могут оторваться от Него; для тех опять, которые уже отдоены, Христос является чадолюбивым отцом, детоводит их, учит и исправляет, ибо как любящий отец посаждает детей своих за трапезу свою и вкушает вместе с ними, а когда увидит, что они нерадят о своих уроках и занимаются другими бесполезными вещами, тогда лишает их своей трапезы и слугам приказывает не давать им пищи, научая их сим способом не нерадеть об уроках своих, так и благий Владыка наш и Бог действует в отношении к рабам Своим – чадам Его – по человеколюбию и благодати, ибо им дает Себя Христос – хлеб, сходящий с неба и дающий живот миру, и они питаются Им и

вместе с Ним всегда вдоволь и через причащение сего хлеба шествуют к вечному животу, освящаясь душою и телом. А когда вознерадят они о заповедях Его и, самовольно предавшись лени, презрят их и вдадутся в дела мира сего, бесполезные и не согласующиеся с благочестием, тогда Он, Питатель всего, лишает их Себя Самого, а чрез то и всего того, о чем мы говорили, и еще большего того. Таковые, когда, пришедши в чувство и помыслив, какого блага лишились, обратятся опять к Нему и взыщут Его, как обычно бывало, но не обрящут, тогда начинают проливать слезы и плакать неутешно, подвергать себя всяким чувственным лишениям, желая и изъявляя готовность на всякую скорбь, искушение и бесчестие, чтоб только человеколюбивый Отец, увидев скорбь их и произвольные злострадания, сжалился над ними и, возвратившись к ним, опять дал им Себя. Что и бывает: стяжевают они паки Христа, восстанавливаются в прежнюю близость и славу еще с большим дерзновением, вводятся опять во вкушение благ оных, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, и паче прежнего начинают благоговеинствовать пред Отцом своим и трепетать, как пред грозным Владыкою, боясь, как бы не впасть опять в те же грехи по невниманию и не быть отогнанными от благ Отца своего. Так поступают те, которые искренно, с болезнью сердца каются и за это улучают опять блага, о коих мы говорим. Но которые боятся трудов покаяния, малодушествуют в скорбях и стеснениях по требованию его, предаются лени и беспечному покою – такие, как недостойные и ненастоящие сыны или, лучше сказать, как презрители, предпочитающие удовольствия телесные вечным благам и даже Самому Богу, не сподобляются более вкушения оной духовной сладости, ни облечения одеждою Божественной славы, но праведно лишенными остаются богатства благодати Божией и походят на псов, у которых нет хозяина. Ибо как эти псы блуждают по улицам и стогнам града, чтоб найти где-либо кость какую-нибудь или клочок старой кожи и погрызть их или чтоб напасть на место, где заклано животное, и полизать крови, а если встретят падалище, то бросаются на него и едят ненасытно и отойти от него не хотят, но грызутся с другими псами и отгоняют их, пока не съедят и самых внутренностей и не оставят одни голые кости, так и эти обходят врата богатых и бедных, чтоб набрать в лоно свое, если случится кому дать им что: золото, серебро или другое что. Так как они потеряли истинное и нетленное оное богатство, то, когда случится им понабрать кое-чего, им кажется на короткое время, что они сыты, удовлетворены и не требуется для них ничего более. Впрочем, когда овладеет ими, как голод, неверие с безнадеем, тогда они опять обращаются к прежнему попрошайничеству, полны будучи попечения об одном настоящем, несчастные и достойные слез, потому особенно, что ради временного и ничтожного небрегут о вечной всеблаженной жизни.

И они безответны. Бог явил им богатство благодати Своея, сподобил их вкусить небесной благодати и соделал их причастниками Духа Святого, как говорит божественный Павел. Но они не прославили Его как Бога, не возлюбили, не возблаговели пред беспрельною Его благодатью и не возблагодарили Его, но осустились в помышлениях своих и омрачилось неразумное их сердце, и они, глаголющиеся быти мудри, объюродеша. Но те, которые боятся Бога, не поступают так, но с радостью терпят обучительные наказания Отца своего Владыки как рабы благодарные и как сыны истинные, говоря: *гнев Господень стерплю, яко согреших Ему* (Мих. 7, 9). И еще: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). Говорят так и смиренно постоянствуют в терпении обучительного наказания Господня и во всегдашнем покаянии, не малодушествуют и не тяготеют им, но пользуются им, как руководством, по сказанному нами способу, и находятся всегда в отеческом своем доме, украшенные светлым убором, вкушают пищу вместе с Отцом своим, видят славу Его и богатство, кои имеют наследовать. Когда таким образом воспитаются они и обучатся и достигнут в меру возраста мужа совершенного, тогда и всеблагий Отец отдает в руки их все блага Свои.

2. Но скажем прежде, что есть мера духовного возраста и высота исполнения Христова, а потом опишем блага Отца Небесного и покажем, какие из них дает Он в руки тех, кои веруют в Него. Слушай же внимательно.

Меру возраста исполнения Христова составляют такие черты жизни духовной, кои созерцаются духовно. Начиная изображение черт сего возраста снизу: ноги его – вера, а святое смирение – основание его твердое и непоколебимое. Голени, колена, бедра – нестяжательность, обнажение от всего, странничество, подчинение, бывающее с разумом по любви Христовой, послушание и благоохотное служение. Внутреннейшие и сокровеннейшие части (надо полагать, нервы) – непрестанная умная молитва, сладость, порождаемая изливанием слез, радость сердца и непрестанное его утешение и покой. Жилы и мускулы (с костями) – постоянство и терпение в молитвах (домашних) и на церковных службах и горение желания созерцать Бога и беседовать с Ним, порождаемое молитвами и богослужением церковным, как поет божественный Давид: *разжси утробы Моя и сердце мое* (Пс. 25, 2); и св. Павел говорит: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14); и апостол Петр: *препоясавше чресла помышления вашего, трезвящися, совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым* (1 Пет. 1, 13). Благодатию здесь называет он дар Святого Духа, делающий нас сопричастниками и сообщниками Бога. Живот, желудок и весь снаряд внутренностей – рабочие силы души, в середине которых, как бы сердце, стоит разумная сила, имеющая под собою и вместе с собою силы желательную и раздражительную. Впрочем, не они собственно разумеются под сказанными частями, а наипаче то, что направляет сии силы к единому и связует между собою, именно: кротость, простота, незлобие, сострадание, благоговеинство и страх Божий, которые, подобно ребрам, перепонкам, покровам и связкам, сжимают те силы, покрывают и не дают им обращаться к видимым вещам мира сего или желать что-либо из них, равно как не попускают завидовать имеющим их, серчать из-за них и злопамятствовать.

Когда не бывает никакого страстного устремления этих трех сил вовне, то есть к видимым вещам, тогда они сохраняются внутри, сокрытыми. А когда они пребывают внутри одни сами с собою и блюдутся со вниманием сказанными добрыми расположениями, тогда разумная сила здраво рассуждает и верно отличает добро от зла и показывает определенно и властно силе желательной, к каким вещам подобает ей склоняться желанием, какие любить, от каких отвращаться; раздражительная сила стоит между сими двумя, как благопокорливый раб, готовый усердно служить желаниям их, и всегда спомоществует им, пробуждает и подвигает к мужеству и содействию добрым и противодействию злым людям. Но поелику Бог, создавший всяческая, несравненно лучше всего созданного, то совершенно благословно человеку, почтенному разумною силою и стяжавшему ум не мятущийся, как мы сказали, и не увлекающийся страстными замыслами, вместо всего другого или паче всего другого почтить и возлюбить Творца всего и Владыку и к Нему единому обратить все свое желание, показывая Его ему некоторым образом и говоря: послушай меня и воззри (на Бога), осяжи со страхом и трепетом, вкуси бессмертные сладости, обоняй духовное миро и познай, что нет никого другого столь прекрасного, как Бог, или столь приятного, или столь сладкого, или столь могущественного, или столь премудрого, или столь славного, или такого, который мог бы животворить, делать нетленным и бессмертным. Когда желание человека вкусит всего сего и насытится, тогда и раздражительная его сила вся соединится с разумною и желательною, и бывают три едино в созерцании троической единости Триипостасного Божества и в этом радостотворном блистании собственного их Владыки. Тогда и следа не остается разделения сих трех, но бывают они едино. Когда же эти три силы души – разумная, раздражительная и желательная – от простоты единого и единственного блага обратятся к рассмотрению и различению злых и добрых вещей, сущих здесь в мире, тогда и желание, и мысль, и

чувство нераздельно устремляются к тому, что противно воле Божией. Ибо тогда раздражительная сила движется только к этим и среди этих вещей.

Имел бы я и еще многое другое сказать о том, что соответствует в духовной жизни желудку, о духовном ястии и питии, о духовной алчбе и жажде; но чтоб не удлинить крайне моего слова и чтоб, делая таинственное и сокровенное общеизвестным и явным, не дать повода тем, кои любят собирать чужие слова и богатиться чужими трудами и сокровищами, воспользоваться тем не как следует, умалчиваю о том, оставляя то прикровенным, чтоб желающие доискивались до того деятельным ведением.

Но возвратимся опять к своему предмету. До живота и желудка мы уже составили тело возраста духовного о Христе Иисусе. Теперь следует нам восходить до головы, чтоб представить тело духовное в его полноте и всецелости. Итак, что есть в теле духовного возраста о Христе грудь, спина, плечи, мышцы, руки, шея? Под грудью его разумею благоутробие, в котором есть сосцы человеколюбия, источающие и богато дающие млеко милостыни сиротам, вдовицам и всем другим нуждающимся, как говорит апостол: *облецытесь во утробы щедрот* (Кол. 3, 12). Но откуда набирается сие млеко в сосцы и как готовится, сие оставляю изыскать вам самим. Под спиною разумею то, что истинно духовные охотно берут на себя и поднимают тяготы других и с радостью несут язвы и страсти Христовы, как говорит апостол: *должни есмы мы сильнии немощи немощных носити* (Рим. 15, 1). И еще: *прочее, труды да никтоже ми дает: аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17), и Господь говорит чрез пророка: *плещи моя вдах на раны, ланите мои на заушение* (Ис. 50, 6) – чего хоть и не случится нам потерпеть, но ждать того надлежит нам всегда и каждый час быть к тому готовыми. Под плечами и мышцами разумею терпение и сносливость в искушениях и скорбях. Ими и с ними, то есть терпением и сносливостью, направляется и идет деятельность и рук; руками же я называю деятельную силу и готовность всячески слушаться заповедей Божиих и исполнять их. Эти, то есть деятельная сила (энергичность) и готовность на всякое послушание, без терпения и сносливости не могут установиться и окрепнуть или не могут быть приобретены. Подле таких рук духовное тело имеет еще другие духовные руки, коими оно утешает малодушных и нетерпеливых, поднимает падающих, обязывает сокрушенных, возливая на раны их елей и вино; этими же руками и оно каждодневно делает и другое многое для братии словом и делом; или же оно касается края ризы Владычней, приносит хлеб Господу своему и дает чашу в руки Его и таким образом питает Его, питающего всякое дыхание единым мановением Своим – питает, говорю, тою пищею, о которой Сам Он сказал, что желает ее, и желает крепким желанием. И блажен тот, кто знает сие, и имеет, и приносит Владыке своему; потому что и Христос Господь, сидящий на Херувимах, примет его в Царство Небесное, посадит и упокоит и, препоясавшись, послужит Ему, по неложному обетованию Своему. Шея этого духовного тела есть несомненная надежда.

Се благодатию и помощью Божией изобразили мы все духовное тело, со всеми почти членами мужа совершенного. Остается еще неуказанною одна голова его. Но, может быть, вам подумается, что уже все члены показаны и ни один не забыт, то есть, может быть, подумаете, что достаточно и того, что сказано, для полноты добродетели и спасения души. Однако ж не так есть, братия мои, нет, не так. Ибо как тело, имеющее все члены, а головы не имеющее, мертво бывает и бездейственно; и опять голова, сама одна без всего прочего тела, хотя все же есть голова, но, будучи отделена от тела, не может показать своей деятельности (энергии), так бывает и с духовным телом, которого состав мы изобразили выше, содействием Святого Духа – что все, что мы сказали о нем, без головы тщетно и бесполезно, хотя многие думают необдуманно, что деланием сих безглавых членов и частным их стяжанием они исправили все сполна и всецело. Будучи мертвы, они не чувствуют, какого лишены блага, разумею, головы. Те члены, о которых мы сказали и которые рассматривали отдельно один от другого для удобнейшего понятия их значения и действия, без головы и без есте-

ственного соединения одного с другим не могут совсем составиться и установиться (образоваться и прочно стоять в душе). Ибо как тело малого младенца никоим образом не может вырасти, если не имеет головы, когда же эти оба соединены и друг другу помогают (пищу, например, тело принимает устами, потом из тела она уже воспосылается и в голову в виде питательной жидкости – крови), тогда этим способом питается и растет весь человек, так то же самое бывает и в духовном теле (то есть что оно питается, живет и растет), когда поверх его утвердится и голова. Слушай внимательно, припомнив и сказанное мною прежде, и раскрою тебе это пояснее.

Итак, имеешь веру и смирение – основы добродетелей, и поверх сих двух имеешь названными все прочие добродетели, указанные мною прежде, из которых построено все тело (духовного человека) и возведено до шеи – надежды, которая стоит над всем прочим телом добродетелей. Впрочем, она одна, без соединения с главою, умирает наряду с другими членами сего тела, ибо тогда неоткуда ей принимать дыхание, или воздыхания Духа, животворящего и движущего все тело то и все члены его, неоткуда получать нетленную пищу. Итак, чтоб не оставить недоконченною меру возраста Христова, поверх надежды положим святую любовь – воистину главу добродетелей, как говорят уста Христовы, божественный Павел: *ныне пребывают вера, надежда, любви, три сия: больши же сих любви* (1 Кор. 13, 13). И еще: *аще имам веру, яко и горы престаляти, любви же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любви же не имам, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13, 2, 3). Все показанные мною прежде добродетели совершает вера, бывая воодушевляема в усердии к ним, учима ими и укрепляема на них надеждою – посредницею между ними любовию. Сие, сказываемое мною теперь, бывает невидимо и нечувствуемо теми, кои еще несовершенны, ибо несовершенные в добродетели не чувствуют этого и не понимают. Но когда вера, воодушевляясь надеждою, совершает все добродетели, тогда питает ими и греет главу, то есть любовь, и делает то, что она возрастает посредством их. Опять и глава чем более бывает питаема и растет, тем более и прочему телу добродетелей сообщает силы и делает его ревностнейшим к большему и большему преспеянию. Так растут мало-помалу все члены всего тела духовного, состоя в живой, тесной и неразрывной связи со святой любовию.

Сия Любовь, глава всех добродетелей, есть Христос и Бог наш, Который для того сошел на землю, соделался человеком, восприяв на Себя и нашу земную плоть, чтоб сделать нас причастными Своего Божества существенно или чтоб преподать нам все дары Святого Духа, сделать нас духовными и нетленными и возвести на небеса. Сия любовь, как говорит божественный Павел, изливается в сердца наши Духом Святым (Рим. 5, 5) и есть потому причастие благодати Христовой, посредством коей соединяемся с Богом. О сей любви говорит и Иоанн Богослов: *совершенство любви вон изгоняет страх... бояйся же не совершиши в любви* (1 Ин. 4, 18). И еще: *видите, какову любовь дал есть Отец наш, да чада Божия наречемся* (1 Ин. 3, 1). Любовию здесь называет он благодать Святого Духа, через которую мы получаем сыноположение и соделоваемся чадами Божиими. Сей любви никто из людей не может ни видеть, ни получить, ни сочетаться с нею, ни стяжать ее заведомо как духовную главу свою, если не сохранит твердой и непоколебимой веры во Христа и если со всею ревностью не наздаст на ней сказанных мною добродетелей. Тот же, кто не видел ее, не соединился с нею и не вкусил сладости ее, не может и возлюбить ее как следует, ибо кого кто не видал, того как может он возлюбить – как говорит апостол: *не любяй брата, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20). И опять, если он не возлюбит Его от всей души и от всего сердца, прежде по естественным помышлениям и по сущему в нас люблению Его, то не сподобится видеть Его. Ибо Он Сам сказал: *любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим; тогда, говорит, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Из этого явно, что если кто не возлюбит Бога от всей души и не покажет любви сей отвержением

себя самого и всего мира, то не сподобится увидеть Его таинственно чрез откровение Духа Святого – не имеет Его и главою своею, но есть тело умершее и неподвижное на духовные дела и лишенное Жизни всех – Христа.

Те же, которые сподобились соединиться с Ним и стяжать Его главою себе (прошу обратить внимание на слово сие), бывают и сами богами по благодати, подобными Сыну Божию. О, дивное чудо! Отец одевает их в первую одежду, то есть в одеяние Господа, которое носил Он прежде сложения мира. Ибо, как говорит божественный Павел: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27) и вместе в Духа Святого, Который и изменяет боголепно всех их неким дивным, неизреченным и Божественным изменением, о каковом говорит Давид: *сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11) и наперсник Христов святой Иоанн: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не уявися сущим в мире, что будем: вем же от Духа, Коего дал Он нам, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2). Дает им еще Отец и ум Христов, да сияет он над главою их и открывает им тайны, которых не может выразить в слове язык человеческий. Дает Он им при этом и новые очи, и новый слух. И что говорить много о том, чего невозможно высказать всего? Весь Он Сам, Сын, и Слово Божие вместе со Отцем и Духом Святым обитает в них. Каждый из таковых бывает сознательно, с свидетельством умного чувства, храмом Божиим; и тогда он вопиет с дерзновением, говоря: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смыслях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). *Сего ради вся терплю* (2 Тим. 2, 10), все покрывая (1 Кор. 13, 7), укоряемый благословляю, гонимый сношу, хулимый молю (1 Кор. 4, 12, 13), да обитает во мне сила Христова (2 Кор. 12, 9).

Таков совершенный, не имеющий, однако ж, завершения, возраст мужей духовных. Совершен он бывает, поколику сие возможно для нас; незавершим же, потому что совершенство его сокровенно в Боге. Полнота его есть смерть за Христа и заповеди Его; так что как Христос исполнил весь закон и предал Себя Самого за спасение всего мира, претерпев крест и смерть и моляся в то же время Отцу Своему о тех, которые распяли Его, говоря: *Отче, отпусти им грех их, не ведают бо что творят*: так должны и мы иметь решимость умереть за Христа и заповеди Его и за спасение братий наших, чтоб не иметь нам надежды на себя самих, но на единого Бога, воскрешающего мертвых. Если и не случится нам умереть насильственною и мученическою смертью, но человеколюбивый Бог наш вменит нам то, что мы умерли произволением (то есть имели решимость и держали готовность умереть за Него) в действительное пострадание смерти, как говорит и апостол: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31) – не потому, чтоб он многократно умирал самым делом, но произволением. Кроме того, должны мы еще молить Бога за тех, которые печаливают нас, по какой-либо причине или осуждают нас, и за тех, которые непрестанно враждуют против нас по злобе своей – и за всех людей, верных и неверных, да просветит их Бог, чтоб верные достигли совершенства добродетелей, а неверные избавились от заблуждения и вступили в истинную веру.

До этого сказанного мною невозможно никак додуматься когда-либо человеку самому собою или делом совершить то, если не излиется прежде богато в душу его любовь Божия и если ради сей любви не вселится в него Христос, Который сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Но такой благодати никто не может получить, если прежде не отвергается себя, как повелел Спаситель, если, то есть, не станет работать Господу с полным усердием и не возлюбит Его от всей души. А кто не получил такой благодати, тот пусть не обольщает себя, но да ведает, что он не сподоблялся еще и не сподобится когда-либо быть соединенным с Богом, с умным чувством, сознанием и созерцанием. Ибо те, которые получили благодать Божию и сделались мужами совершенными и стяжали совершенный духовный возраст в сказанной нами мере – все соединяются с Богом и видят Его столько, сколько

и сами видимы бывают от Него. Бог пребывает в них сознательно, опять и они сознательно пребывают с Богом неразлучно.

Когда наконец придут они в такое состояние и сделаются истинно совершенными, тогда и Отец их Небесный даст им в руки и сущее Его. Под руками разумей здесь несомненное удостоверение, то есть что Он даст им сущее Его с верным удостоверением; а сущее Божие есть бессмертная, нетленная, непреложная, неизменная, вечная, неизъяснимая красота славы, какую имел Сын у Бога и Отца Своего прежде бытия мира, как говорит о сем Само Слово и Сын Отца: *прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5). И еще: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы едино есмы – якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе* (Ин. 17, 22, 21). От Бога Отца нашего изливается свет, непрístupный для всех грешников, но приступный для праведных, который воссиявает в них и бывает для них радостью неизъяснимою, миром, всякий ум превосходящим, сладостью, наслаждением и веселием в ненасытимом насыщении, ныне и в бесконечные века. Скажу кратко (удивляясь и сам всему тому и не имея сил сказать что-либо большее), неложный и верный Бог еще от настоящей жизни дает верным Своим, как залог, начатки всех тех благ, коих красоты око, омрачаемое страстями, не видело, о коей и ухо, заткнутое неведением, не слыхало, и на сердце человека не всходило, что уготовал Бог любящим Его.

Так вот что есть сущее (достояние, благо) Отца, о котором я обещал вам сказать, и таким способом, как вы слышали, дает Он его любящим Его и проводящим жизнь на земле так, как бы жили на небесах, и несмотря на то, что имеют умереть, так суть, как бы были теперь уже прославлены бессмертием, ходят во мраке мира, как бы ходили во дни и в вечернем свете, дышат, как бы вдыхая в себя воздух рая сладости, имея в себе древо жизни и пищу Ангелов, хлеб небесный, которым питаюсь, все невещественные ангельские чины оживотворяются к бессмертию. Такие небесные человеки, и находясь среди мира и дел мирских, вызывают вместе с Павлом воистину: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20) – там, где святая любовь, которая соединяется с любителями своими, осиявает их обильно и делает бесстрастными – Ангелами воистину.

Кто, прежде чем всецело соединится с любовью, называет себя бесстрастным, или учит других бесстрастию, или берется за дела бесстрастных, или опять не верит делам, которые творят бесстрастные – таковой походит на малое детище, которое прежде времени возраста надевает на себя оружия мужей, обещает учить других воинскому искусству, говорит, что и он муж, ставит себя наравне с военачальниками и берется идти на войну вместе с ними, что не только невозможно, но и достойно всякого смеха. Запутается он, конечно, в самые оружия, кои надел, упадет и ушибется, и может быть так, что не сможет уже и подняться. И по делам ему это. Ибо если Бог определил Моисею, как человеку робкому, не выходить на войну, не тем ли паче тому, кто еще дитя, едва могущее ходить и одеваться, прилично подождать, пока придет в возраст мужа, а прежде того не браться за невозможное. Подобное покушение в отношении к духовной брани еще более ни с чем не сообразно. Брань сия *несть к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12) – *оружия воинства нашего суть не плотския* (2 Кор. 10, 4) и видимые, но духовные и невидимые, и самая брань сия невидима и ведется с невидимыми врагами. Почему все те, которые, думая о себе, что суть нечто, показывают пред людьми, будто они неробки, мужественны и многоопытны в такой брани, преуспели в науке о ней, мудры и учительны и в том, как побеждать злых духов, и в том, как быть, если они победят, и всячески усиливаются посредством пустословия и сплетения умствований уверить всех о себе, что суть некие единоборцы и победители врагов – все такие весьма худо поступают, если ничего не знают о сей брани из собственного опыта. И это тем хуже, что, однажды выступив на среду в таком качестве, им уже трудно бывает отказаться от того.

Такие обыкновенно, при всем том, что бывают обличаемы и осуждаемы своей совестью, что неопытны суть и не обучены в сей брани, никак не могут согласиться исповедать свое в сем деле бессилие и невежество, потому что сильно овладевают ими тщеславие и человекоугодие, и они боятся, как бы не случилось им потерять славу человеческую. Почему, чтоб не явиться пред ближними, что такое они суть по душе, и чтоб люди не поняли, что они обнажены от духовных оружий, что еще немощны и несовершенны, они прикрывают себя рубищем лицемерия и кожею овечью и лицемерными словами стараются показать всем, что суть мужи совершенные, достигли в меру возраста исполнения Христова и сделались бесстрастными, что другие стяжали потами и трудами великими. При всем, однако ж, таком укрывании себя, дела нередко обличают таковых. Ибо как они не утвердили оснований веры и надежды на камне и не возвели здания добродетелей на сем основании, под коим разумею Христа, то, будучи нетверды и неискусны, при встрече восстания искушений и бури помыслов спотыкаются и бедне падают. И вообще, если б все видели, что такое они по душе, то эти, носящие, как маску, личину только благочестия, а не самое благочестие, не посмели бы, как думаю, показаться на глаза людей или стать пред лицом человека, особенно те из них, которые кажутся себе самым более других мудрыми и словесными и думают, что носят некий царский лик, пред каковыми благоговеинствует простой народ и каких почитают многие и из непростых как мудрых, благочестивых и целомудренных, хотя они совсем не походят на таковых по тайным расположениям души, которые исполнены всякой худости.

Но время уже нам обратиться и на другое. Благоволите теперь поучиться и славе истинно святых и бесстрастных мужей, вы, которые хотите, которые, то есть, желаете и ищете от всей души и сами стяжать такую славу. Представлю вам картину, на которой вы увидите все убранство их оружий и их блистательность, и затем каждый из нас, сличая себя с теми святыми, узнает, в какой находится мере совершенства и сколько все мы стоим ниже их по мужеству, достоинству и силе.

Итак, смотри на небо в какую-либо ночь безоблачную, каково оно – потом взгляни на диск луны, полный блестящего и чистейшего света, и вокруг этой всесветлой луны – на круг, который многократно бывает около ее. Рассмотревши добре все это, обратись умом своим к святым, находящимся еще в мире сем с телом. Святые сии подобны небу, сердце их подобно диску луны, и святая любовь есть всемогущий и вседейственный свет, несравненно блистательнейший света солнечного. Любовь сия возжигает и освещает сердце их и, возрастая каждодневно паче и паче, преисполняет их светом всецело, ибо любовь не умаляется и не прекращается, как свет луны, но сохраняется всегда всесветлым посредством ревности и доброделания святых. Святое же бесстрастие есть как венец некий круглый, который окружает святых, заключая их среди себя, отовсюду покрывает их, как шатром, сохраняет их невредимыми не только от всякого греха, но и от всякого злого помысла, делает их неискусимыми и свободными от всех врагов и даже неприступными для них.

Видите, какова слава святых, вы, истинно ее желающие? Поняли величие образа, какой я вам представил, и то, сколько каждый из нас ниже славы и блистания святых? Этот образ представляет то, что бывает в нас. Я указал его, но не я его изобрел. Он устроен Творцом всяческих Богом. Художное Слово Бога живописало в творении, как на некоей дщице, то, что имело быть после в деле спасения или воссоздания нашего, чтоб, взирая на образ, представляемый чувственными вещами, мы не неверовали, что и в наше время бывает и совершается духовно истина, являемая ими. Но, зная, что каждый из нас создается Богом как второй мир, больший внутри малого сего видимого мира, как свидетельствует вместе со мною и Григорий Богослов, не попустим оказаться в чем-либо худшими бессловесных или даже и бездушных тварей, созданных человеколюбивым Богом в научение наше, но будем подражать всему доброму и избегать, сколько можем, подражания злему. Оставляю, впрочем, все другое, потому что его много, и, изложив одно это в напоминание вам, окончу мое слово.

Да ведает всякий из слушающих меня, что как видим, что день бывает после ночи и ночь опять после дня, так надлежит нам веровать и быть убежденными, что мы, находящиеся во тьме греха от рождения своего, можем посредством веры и исполнения заповедей выйти из нее и вступить в день Божественный и в просвещение духовное, как опять из света сего и дня перейти во тьму и ночь греха, когда по причине нерадения и презрения заповедей начнем впадать в прежние грехи наши. Так будем подражать, по крайней мере в этом, служителю нашему солнцу. Как оно не перестает никогда воссиявать и освещать тварь, но всегда исполняет поведенное ему Богом, так да не попустим и мы себе сидеть по нерадению во тьме чувственных удовольствий и страстей, но позаботимся паче, исполняя повеление Того, Кто сказал: покайтесь, приблизися бо Царство Небесное, очистите себя каждодневным и непрестанным покаянием и слезами, изливаемыми по причине его и ради его, и всяким другим доброделанием и восподвигаемся опять войти в невечерний свет Божий, так как мы есмы сыны света. Таким образом мы и сами собственным примером нашим сделаемся для ближних наших днем невечерним, и землею новою, и небесами новыми, имея в себе Солнце правды, сияющее на них, то есть возвещая им повеления Бога и славу Его не пустыми и тщетными словами, а самыми делами, и бывая чрез то для нерадивейших братий деятельными учителями всему должному и делая их безответными. Итак, не будем подвигать братий на нерадение, говоря им: как возможно людям исполнить то или то, и делая их через то нерадивейшими на исполнение заповедей. Ибо что многое невозможно для многих, это признаю и я; но для каких? Для таких, которые так же, как и я, нерадивы и не хотят презреть мир и вменить в уметы все блага его; для тех, которые всецело преданы суетной славе, алчут богатства и радуются похвалам и почестям человеческим; для тех, которые сверх того овладены, бедные, гордостью и тщеславием; для тех, которые самоохотно, подобно нечистым животным, валяются в блате греховных страстей и дел скверных, которые, имея жилище души своей упраздненным от Христа, Который обитает в верных, вопия к ним каждодневно: *в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* – дают согласие диаволу, чтоб обитал в них. Для тех же, которые силою веры отверглись себя и последовали за Христом с надеждою, любовью и смирением и стяжали Его обитателем в себе, со Отцом и Святым Духом – для таких все бывает возможно и удобоисполнимо, как говорит апостол: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Флп. 4, 13).

Которые усокровиществовали в себе сего Христа, те незримо созерцают неизъяснимую красоту Его, недержимо держат Его, непостижно постигают безвидный образ Его, небразный вид Его и неначертаемый лик Его, который неукрашенно преукрашен невидным видением и нехудожною красотою. Что же такое они постигают и созерцают? Это – простой свет Божества Его. Вот что богато созерцают они умными очами своими. Его осязая невестественными руками своими, с неуждержимою и преизобильною любовью невкушенно вкушают Его духовными устами ума и души своей. Но Его видением, красотою и сладостью насытиться вполне не могут они никогда. Ибо Он, являясь всегда более и более новым, все большую и большую доставляет им сладость и тем все сильнейшее и сильнейшее возжигает в них желание Себя. Если иной раз Он не так явственно является или видится им, то это причиняет им такую болезнь и такое томление, как бы они совсем Его лишились. Если же иногда восхощет Он на короткое время совсем сокрыться от них, то в это время томление их бывает как бы предсмертное и болезнь сердца невыносимая и неизъяснимая.

Чтобы лучше понять нам в примере нудность и жжение такой любви, представьте себе, что какой-нибудь бедный человек полюбит девушку, происходящую от царского рода, украшенную царским венцом и обладающую красотою выше всех жен, находящихся в мире. Она сидит в палатах своих, а он, любитель ее, часто приходит к ней и становится вне, будто презираемый и отвергаемый по причине бедности и великого своего ничтожества. Если эта девушка сквозь какое-нибудь маленькое и узенькое оконце протянет руку свою, всю разу-

крашенную золотом, и даст ее бедному любителю своему, а он, схватив ее тотчас и видя неизъяснимую ее красоту, начнет целовать ее, надеясь, что наконец сочтается браком с этою царвною и будет вместе с нею царствовать, что она обещала ему прежде с клятвою; потом, после такой надежды и радости, если эта царевна вырвет руку свою из рук его, обратно втянет внутрь к себе и совсем спрячет от него, то не причинит ли она тем этому бедному и несчастному невыносимой скорби? И не возжжет ли в нем еще более пламенеющую пещь любви? Полагаю, что и вы подтвердите слово мое. Но если это так бывает обыкновенно в видимых и чувственных телах и вещах тленных и скоропреходящих, то не тем ли паче, не в несравненно ли большей силе то же должно произойти в области мысленной и невидимой и в отношении к тому, что нетленно и вечно? Ибо чем превосходнее вечные блага временных, тем сильнейшую к себе любовь порождают в душах любителей своих. И по сей-то причине любовь к Богу не попускает им быть овладеваемыми, хотя мало некако, похотением или страстием к какой-либо вещи. Такие и не желают ничего, ни славы, ни утех, ни денег – даже помышлять об этом они не имеют ни охоты, ни позволения. Но как жених, хотя смотря на изображение невесты своей, нарисованное красками, и крепко прилепляется к нему и все на него смотрит и глаз от него отвести не хочет, питая тем пламень любви к невесте, но когда увидит потом самую невесту и то, что она непохожа на изображение, на которое он так любовительно смотрел, а несравненно прекраснее, и когда притом обнимет и поцелует ее, тогда не хочется уже ему совсем и взглянуть на портрет ее, на который прежде так неотступно смотрел, переносясь от него мыслями к невесте своей, так то же самое, и еще в высшей степени, испытывают те, которые созерцают и печатлеют в уме своем силу и премудрость Творца своего от величия и красоты видимых творений, и от них, как от некоей иконы, мало-помалу преуспевая, приходят в любовь, и веру, и чистый страх, какие надлежит иметь к Нему; но когда потом соединятся существенно с Самим Богом и сподобятся узреть Его Самого и сделаться причастными Его, тогда уже не обращают такого тщательного внимания на то, как изображают Его твари, на эту тень Его в видимом, потому что они перестают уже тогда иметь чувство к видимому, как прежде, и ум их постоянно пребывает в том, что выше чувств, и некоторым образом сорастворяется с тем и облекается в светлость Божественного естества во Христе Иисусе, Кому слава вовеки. Аминь.

Слово восемьдесят пятое

О безмолвии и какого рода делание должен проходить тот, кто желает мужественно пребывать в нем.

Имея намерение сказать вам малое нечто о безмолвии, которое есть совершеннейшая из подвижнических добродетелей, прошу вас, дайте мне внимательное слушание, вы, которые желаете совершенства ее и приготовляетесь взойти на высоту ее посредством преуспевания и усовершенствования себя на пути прочих добродетелей – прошу внимания к словам моим, чтоб из настоящего слова моего научиться, в чем состоит делание безмолвия и затем употребить усилие сделаться достойными того, чтоб воспринять сей подвиг (безмолвия) и проходить его как должно, если желаете стать на высоте его и обогатиться богатством его.

Кто убезмолвился и один живет в келлии своей, тот пусть будет как первомученица Фекла. Она, оставя все мирское, забыв и самые потребности телесные, сидела у окна и внимала учению святого Павла. Повествование о ней говорит, что она не выходила из своей комнаты и, будто прикованная к окну, не отходила от него даже для того, чтоб принять пищи или утолить жажду, но лишь слушала Павла, который поучал, и только когда уже он удалился из того места, побежала и она, одна, вслед его и стала искать его – оставила и родителей, и жениха, обручника своего, и искала только святого Павла с великою любовью, о другом ком и думать не хотела, а думала только о святом Павле; и такая сильная овладела ею любовь к святому Павлу, что она чтит как священное то место, где сидел святой Павел и учил, и целовала землю, на которую ступала нога его. Не подумай, что я сказал это не к делу и что ничто такое не приложимо к безмолвнику. Нет, таково именно должно быть и делание безмолвника. Если ты этого не видишь, поищи и найдешь.

Безмолвник, если желает быть таким, как следует, пусть будет и как блудница, о коей упоминает Евангелие – пусть емлется и он за ноги Господа нашего, целует их и омывает слезами своими и ни на кого другого не смотрит, кроме Его единого, могущего отпустить грехи его. Пусть будет и как невеста – пусть и засыпает с Женихом Христом, чтоб и просыпаться с Ним, чтоб потом возбудиться с Ним и к вечной жизни, или, лучше сказать, пусть всегда пребывает в Нем и Его всегда имеет пребывающим в себе. Пусть будет, если может, и как один из тех вельмож, которые предстоят земному царю и дружески беседуют с ним втайне, в его внутреннем покое царском, и пусть беседует с Владыкою Христом лицом к лицу.

Кто убезмолвился, тот пусть будет и как три апостола, которые восходили со Христом на гору Фавор и видели сияние, облиставшее Его, и изменение одежд Его, и просвещение лица Его и которые, увидев светлое облако и услышав глас Бога и Отца, свидетельствующий свыше и говоривший: Сей есть Сын Мой возлюбленный, стали вне себя и пали ниц на землю, чтоб и он мог сказать, подобно Петру: добро есть нам zde быти, сотворим три сени – для Тебя, и для Отца Твоего, и для Духа Святого, единое Начало и единое Царство, то есть сотворим три новые обиталища – ум, душу и тело, очистив их сокрушением, слезами, покаянием, молитвою и исповедью, возведем строение их повыше и украсим всяким убранством добродетелей, да обитаете в них вечно.

Кто безмолвствует, тот пусть сидит в келлии, как сидели апостолы в иерусалимской горнице, ожидая свыше силы Всевышнего Духа, чтоб воспринять и благодать Святого Духа, как восприняли ее апостолы, и потом быть почитаему плотскими людьми за пьяного, за возносливого и самохвала по той причине, что он станет тогда предлагать новые догматы, иначе некак излагать древнее учение, говорить иным языком и опровергать слова тех, которые имеют противное понятие о духовном учении.

Пусть будет он еще и как Моисей, да взыдет на верх горы, да внидет и он внутрь облака и скроется там от очей других. Если он соделается таковым, то не только задняя Божия узрит, но сознательно предстанет пред самое лицо Божие и, видя Самого Бога, и видим будучи от Него, и слыша глас Его, сначала сам научится тайнам Царствия Небесного, потом преподаст законы его и другим; сначала сам просветится, потом просветит и других светом ведения; сначала помилован будет Богом, потом и сам станет миловать других; прежде он взыщет у Бога и получит, а когда получит, станет и сам сообщать другим, которые взыщут у него; прежде он разрешится от уз грехов его, потом и сам станет разрешать других.

Добрый безмолвник пусть будет и как апостолы, которые, по Воскресении Господа, сидели в горнице дверем заключенным страха ради иудейска, чтоб сподобиться и себе увидеть Христа вошедшим или, лучше сказать, видеть Его непрестанно присущим, видеть, что Он внутри вместе с ним и дает мир, который и да взыщет, и да примет от Него. Если при сем Господь дунет и на него, как дунул на апостолов, со словом: приими Дух Свят, да примет то со страхом и трепетом. Да углубляется также в точнейшее созерцание Господа и да осязает Его руками ума своего и чувствами души своей, чтоб увидеть и познать, что Он есть истинный Бог всяческих. Если и к Самому Господу обратится он при сем с вопросами, Он не вознегодует на него, но, похвалив похвальную его боязнь (впасть в ошибку), скажет ему такие слова: «Что смущаешься и почто помышления входят в сердце твое? Мир тебе! Аз есмь, не бойся. Виждь славу Божества Моего. Осяжи Меня и познай, что это Я самый. Вкуси и виждь. Дьявол, который есть тьма и преобразуется в Ангела света призрачно, а не истинно, не имеет сам и тебе не может сообщить ни благонастроения и сладости, ни радости и свободы, ни мирного состояния или чувства умного и просвещения души, которые Я, как видишь, имею Сам и тебе даю».

Безмолвник долг имеет всячески смотреть, чтоб все сказанное нами выше не говоримо было только о нем по роду его жизни, но чтоб самым делом все то происходило в нем каждодневно. Если же он сидит в келлии своей, но не в таком устройении держит жизнь свою, то что пользы от того, что он тело свое заключил в стенах? Ум невеществен и бестелесен и не удерживается стенами, но удерживается благодатию Духа Святого и стоит неподвижно в естественном своем чине и беседует с Богом. Если сидящий в келлии уединенно не знает точно того, что мы сказали, и не имеет того постоянным своим духовным деланием, то какое же другое дело имеет он делать? Кто оставил труд делания по заповедям, и прекратил дела по заповедям, и прекратил дела телом, по сему совершаемые, тот если не знает, как делать делания духовные, то, конечно, пребывает в бездействии, оставя оба рода дел – и телесных, и духовных. Если теперь бездействие худо, то несомненно, что тот, кто сидит в бездействии, грешит. Тот, кто умеет делать делания духовные, тому это не мешает, при делании духовном, совершать и дела по заповедям, телесно делаемые. На них он получает от духовного делания великую помощь и делает их с большой легкостью. Но кто упражняется только в телесных делах подвижничества, тот, когда упразднится от них, не может еще по тому одному делать и духовные делания. Он носит еще в руках своих орудие видимого действования и вещество для работания ими, то есть заповеди и добродетели, телом совершаемые. Но он еще неопытен и не обучен художеству духовному и не может сего вещества обделать в дело духовное и явить его совершенным, но делание его является слабым и бесплодным.

Чтоб тебе лучше понять, что я сказал, объясню тебе это другими примерами. Сколько людей плакали, как блудница, но не получили прощения грехов своих, как она? Сколько восходили на гору Фавор, но не видели там преобразившегося Христа, не потому, чтоб там не был присущ Господь наш Иисус Христос и Бог (ибо, конечно, Он и там есть, яко везде сый), но потому, что сами были недостойны того, чтоб увидеть Божество Его? Сколько евреев перебывало в том доме и в той горнице, где сидели апостолы, но никто из них не получил благодати Святого Духа? Сколько изъясняли Божественные Писания, но не познали Того,

Кто есть глаголяй в них? Сколькие померли на горах и в пропастях, но не были достойны паче всего мира, так чтоб мир весь не был их достоин, но и они (дивны суды Твои, Господи!) поставлены наравне со всем миром и сопричислены к нему? Сколькие безмолвствовали и безмолвствуют доселе и не знают даже и того, что значит самое имя безмолвия, а не только того таинства, которое совершается в безмолвии? Ибо познание Бога (спознание с Богом) не порождается внешним безмолвием, как иные думают, ошибочно толкуя изречение пророка Давида, которое гласит: *упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11); но, напротив, безмолвие порождается познанием Бога (спознанием с Богом) в том, кто добре и законно подвизается. Если назовем сим упразднением устранение от дел и скажем, что безмолвие есть бездействие, и предпочтем устранение от дел и бездействие деланию заповедей, то как можем явиться исполнителями закона Христова, который говорит: *якоже хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лк. 6, 31); и в другом месте: *аще Аз умых ваши нозе, Господь и учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе* (Ин. 13, 14); и опять: *хотящий в вас быти первым, буди из всех последнейший, вам раб и служитель* (Мф. 20, 26, 27; Мк. 10, 43, 44); также заповеди апостола Павла, который говорит: *аще не хочет кто делати, ниже да яст* (2 Фес. 3, 10); и в другом месте: *вся сказах вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощныя* (Деян. 20, 35); и еще: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20, 34)? Святые апостолы и богоносные отцы, после них бывшие, не предпочитали безмолвия богоугождению, которое бывает чрез добрые дела, но, показав веру свою чрез исполнение заповедей Божиих, они сподобились познать Бога и возлюбить Его; и так как по сем возжелали пребывать с единым Богом, то вышли из поприща мирского и от беспокойств, причиняемых тамошними бранями, и убезмолвлились. И теперь еще подвигающиеся законно уходят из мира и шума его и убезмолвливаются, чтоб вкусить от плода трудов своих, не будучи смущаемы ничем земным: ни приятным, ни скорбным. Когда же наслаются они ненасытно, вкусив всех благ безмолвия, и получают удостоверение в чувстве, что, как говорит апостол: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), тогда не довольствуются уже они теми подвигами, какие подъяли прежде, но, по отдохновении от них в таком утешении и услаждении, подаемом в безмолвии, выходят опять на подвиги в исполнении заповедей Христовых и в добродетелях, телесно являемых, не с тою целью, чтоб сделать добро для самих себя, не спасения ради своего – хотя это, конечно, будет во спасение – но с тою целью входят они опять в такие подвиги и начинают подвизаться в них, чтоб делать угодное Богу, Коего любят и Коим любимы (действовать по воле Его, бывая в руках Его благопокорливым орудием). Они уже более не борются с диаволом, как боролись прежде – терпели от него удары и сами наносили их, но враги, как только увидят их, приходят в страх и убегают. Еще и тех, которые бывают изранены врагами, они тотчас берут на свое попечение, помазывают елеем раны их, обвязывают и вылечивают; вылечив же, научают, как надобно вести брань с этими врагами, какими орудиями и машинами.

Всего сказанного нами, если не знает добре тот, кто убезмолвился, или тот, кто стал настоятелем над другими, или кто взялся быть учителем других – в таком случае ни убезмолвившийся не есть безмолвник, хотя думает, что безмолвствует, но сидит только в келлии один, запертый телом, не зная цели безмолвия; ни тот, кто взял на себя настоятельство, не есть воистину настоятель, но идет путем, сам не зная каким, или, лучше сказать, блуждает вне пути настоящего и находится в опасности ввергнуть в бездну вечного мучения и себя, и тех, которые последуют ему; ни тот, кто взялся учить других, не есть истинный учитель, но лживый и заблудный, потому что не имеет в себе истинной премудрости Господа нашего Иисуса Христа. Но что сказать о власти вязать и решить, какой пользуются и таковые, когда даже те, которые имеют в себе Духа Святого, разрешающего грехи, или суть духоносны, страшатся и трепещут, как бы не сделать чего-либо несообразного с волею Святого Духа,

Который обитает в них и изрекает чрез них волю Свою? И как можно доходить до такого умоисступления и такой дерзости, чтоб, не получив благодати Святого Духа, говорить или делать дела Святого Духа – делать дела Божии без воли на то Божией? Увы и горе тем, которые дерзают поступать так, потому что они будут осуждены на вечное мучение в день Суда, в который Господь наш Иисус Христос, непогрешимый и нелицеприятный Судия, воздаст каждому по делам его, по его помышлениям и словам. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и Всесвятым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят шестое

1. Душеполезная повесть об одном послушнике, получившем Святого Духа молитвами отца своего духовного.

2. О действиях Святого Духа и созерцании таин Его.

1. Один юный рассказывал мне, что был он послушником у одного старца благоговейного, равного по добродетелям великим святым, и, слыша, как он часто говаривал, что на тех, которые подвизаются, свыше приходят Божественные озарения и множество света, в каком состоянии бывает и собеседование Бога с человеками, удивлялся сему, и такое, говорил он мне, возымел я желание получить и себе такое благо, что от жаждания того забывал все и земное, и небесное – забывал пищу и питье и всякий телесный покой. Старец же мой, будучи великим святым, имел и дар прозорливости и, видя, что я без размышления исполнял все его повеления, между тем не ел и не пил, а был весь погружен в свои мысли, приказал мне есть, потому что имел великое и безмерное ко мне сострадание и благоутробие. Я ел и нехотя, ибо боялся греха преслушания. Но сколько ел, столь паче разгоралось во мне пламя внутри. Невыносимо было мне насилие, какое делает мне старец; слезы текли у меня как река, и, плача так, вскакивал я часто из-за трапезы, думая, по малосмыслию, что он полагает препоны доброму моему стремлению, не зная, какую чрезмерную боль и тяготу ношу я в сердце своем. В один день пошли мы в город, близ которого он жил, для посещения духовных детей его и пробыли там весь день. Вечером возвратились мы в келлию, от большого труда и жара алчные и жаждущие, ибо старец не имел обычая где-либо есть или отдыхать; было же тогда лето, и старцу – годов с шестьдесят. Когда сели мы за стол, я не ел, потому что очень утомился и думал, что если поем и попью, то совсем не смогу стать на молитву и с обычным жаром испрашивать желаемого. Так думал я и сидел, как бы находясь вне себя. Тогда святой мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ел, и какими мыслями занята голова моя, возымел жалость ко мне и сказал: ешь, чадо, и пей и отныне оставь всякую печаль; потому что если бы Бог не хотел явить милость, то не благоволил бы Он привести тебя ко мне. Итак, поели мы и напились паче нежели вдоволь; ел и он, снисходя к моему изнеможению. Когда потом убрали мы трапезу, говорит мне он: ведай, чадо, что Бог не благоволит много ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду, ни к какому другому доброму делу и не являет Себя никому другому, кроме только смиренной, непытливой и благой души и сердца.

Слыша это, я удивился слову и наставлению святого и, горя сильным внутренним огнем и все грехи свои во мгновение ока приведши на мысль, облился весь слезами, текшими из очей моих, и, падши к ногам святого и обняв их, сказал: молись о мне, святче Божий, да обрету милость по твоему ходатайству, так как из тех добрых расположений, о коих сказал ты, я не имею ни одного, да и ничего доброго, кроме только грехов моих многих, которые знаешь и ты. На это святой мой показал мне такое сильное соболезнование, что сам заплакал, и, велев мне подняться с земли, сказал: «Имею веру, что Бог, такие богатые явивший ко мне Свои милости, дарует и тебе сугубую благодать, ради одной веры твоей, какую имеешь ты к Нему – Богу и ко мне, последнейшему и худейшему». Это слово я принял так, как бы слышал его от Самого Бога, и, помышляя о сугубой благодати, какую получил Елисей чрез пророка Илию, уверовал, что, хотя я и недостоин, но человеколюбивый Бог скоро очень творит волю боящихся Его, и, с поклоном испросив молитвы, пошел в келлию свою. Отпуская меня, старец дал мне заповедь – прочитать на ночь лишь Трисвятое и лечь.

2. Вошедши туда, где имел я обыкновение молиться, и начав: Святый Боже, и вспомнив слово святого старца, я вдруг заплакал и в такие пришел слезы, и в такой пламень к Богу, что

не могу выразить того словом, ни той радости и сладостного утешения, какие были тогда во мне. Падши затем лицом наземь, я увидел нечто дивное, ибо се – воссиял мысленно во мне великий свет и взял к себе весь мой ум и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и стал как вне себя, забыв и место, в котором стоял, и что такое я, и где я – вопиял только: Господи, помилуй, как догадался, когда пришел в себя. Впрочем, отче мой, кто был тот, кто говорил во мне и приводил в движение язык мой, не ведаю, Бог то весть, не ведаю и того, как соединился я с тем светом, в теле ли быв или вне тела. Ведает сие тот самый свет, который изгнал и из души моей всю тьму и всякое земное мудрование, отъял от меня всю вещественность и тяжесть тела и произвел в членах моих великое расслабление и изнеможение. Это изнеможение и расслабление членов моих и нервов было так сильно от крайнего напряжения, что мне казалось, будто я слагаю с себя бремя тления. В душе же моей он произвел радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверх того, он даровал мне дивно свободу и забвение всех помыслов, кои в мире, и открыл самый способ исхождения из настоящей жизни, потому что все чувства ума и души моей прилеплены были тогда к единому неизреченному веселию и радости от того света. Но когда безмерный тот явившийся мне свет мало-помалу умалился и наконец совсем стал невидим, тогда я пришел в чувство и познал, какие дивности внезапно произвела во мне сила того света. Почему, испытав удаление его и видя, что он опять оставил меня одного в этой жизни, я столь много опечалился и душа моя так сильно возболезновала о том, что не могу выразить тебе, как следует, великой скорби, которая как огонь возгоралась тогда в душе моей. Если можешь, отче мой, сам вообрази и болезнь разлучения того, и высоту великого одного благодаяния, и безмерную любовь, явленную мне и возгоравшуюся во мне, а я не могу ни языком сказать, ни умом понять безмерность одного видения.

Я сказал ему: нет, всечестный отче и брате! Ты изобрази мне действия того света, который явился тебе. И он, сладкий, исполненный Духа Святого и сподобившийся такого видения, ответил мне кротчайшим и медоречивым гласом: о, отче! Свет оный, когда является, веселит, а когда скрывается, оставляет рану и болезнь в сердце. Приходя или нисходя на меня, он возводит меня на небеса, одевая и меня светом. Он является мне как некая звезда и есть невместим для всей твари; сияет как солнце, и мне понятно, как вся тварь держится силою его. Он показывает мне все, что есть в творении, и повелевает мне не заходить за пределы человеческого естества. Меня объемлют кровля и стены, а он отвергает мне небеса. Поднимаю чувственные очи мои, чтоб посмотреть, что есть на небе, и вижу, что там все так же есть, как было прежде. Удивляюсь этому – и слышу свыше глас, таинственно говорящий мне: «То, что видишь теперь, есть таинственное предызображение будущих благ, которых, совершенно как они есть, не увидишь, пока носишь плоть. Но возвратись в себя самого и смотри, чтоб не сделать чего-либо такого, что может лишить тебя благ, которые сподобился ты получить. Если же и погресишь когда, в научение смирению, позаботься не бегать покаяния; потому что покаяние вместе с Моим человеколюбием изглаждает и прежние, и настоящие грехи».

Слыша такие слова юного одного, я едва не стал вне себя и вострепетал весь, помышляя, на какую высоту созерцания и ведения востек он от одной любви и веры, какую имел к духовному отцу своему, и сколь великие блага сподобился увидеть и получить в самом начале, как бы отложивши всякую немощь человеческую и ставши из человека Ангелом. Почему прошу вас, братие мои, отринем и мы далеко от себя всякое пристрастие и заботу относительно того, что касается жизни настоящей; возненавидим плотские удовольствия, удобрение тела, его покой и бездейственную негу, по причине коих обыкновенно тело восстает на душу; возымеем чистую веру в Бога и в отцов и учителей наших, кои по Богу; стяжем сердце сокрушенное и смиренное мудрование души; очистим сердце свое от всякой нечистоты и от всякого осквернения греховного слезами покаяния – да сподобимся и мы

достигнуть некогда в полную меру совершенства христианского, да увидим и восприимем еще в настоящей жизни неизреченные оные блага Божественного света, хотя не вполне, но сколько можем вместить, по степени очищения нашего. Ибо сим образом мы соединимся с Богом и Бог с нами – и соделаемся мы светом и солью для ближних наших, на всякую им пользу духовную, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят седьмое

О тех, которые сами собою делаютя учителями, отцами духовными и руководителями других и, не имея Божественной благодати, руководят и учат других, и о том, что не должно никому, прежде чем рожден он будет и просвещен от отца духовного, руководить или учить других.

Желал бы я, возлюбленный брате, так умертвиться миру сему, чтоб меня не знал ни один человек, но чтоб мне проводить жизнь как истинно мертвому и жить неявно, сокровенной во Христе жизнью, коею други, любители Божии, знают Бога и знаемы бывают от Бога только, держа себя неразлучно в живом единении с Ним во всякое время и на всяком месте. К такой жизни горел я желанием сначала, к такой горю им и ныне. Но так как мы, по слову святого Павла, не сами собою управляем, куплены бо есмы Пречистою Кровию Христовою, и так как должны искать не своей только пользы и угождать не самим только себе, но и ближним нашим во благое, то всячески необходимо и мне со всем усердием творить повеления Владыки моего Иисуса Христа, искупившего меня. Ибо если рабы, купленные людьми, имеют неотложный долг творить повеления господ своих и, когда преслушают, их наказывают, не тем ли паче мы должны, даже до смерти, творить веления Господа и Бога нашего Иисуса Христа, искупившего нас собственною Своею Кровию? К тому же за то, что делать получают повеление от господ своих рабы и что делают, они или совсем никакой не получают платы, как бывает большей частью, или если получают иногда, то она бывает крайне невелика и ничтожна – и опять наказания, какие даются рабам за ослушание господ своих, как бы ни были велики, все суть временные. Но заповеди Господа нашего имеют воздаяние бесконечное и вечное, так как в тех, кои исполняют их, вселяют жизнь бессмертную и такие подают им блага, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша; и напротив, наказания, какие ожидают преступающих их, суть вечны и нескончаемы и потому более страшны, нежели всякое другое наказание, какому подвергаются рабы, преступающие волю господ своих. И что я говорю о рабах, тогда как и те, которые богаты и почтены достоинствами, и они не всегда бывают там, где им желательно, и не то одно делают, что им угодно, но где и что повелевает им царь, там и то делают они с полною покорностью велениям его?

Итак, что же? Рабы господам своим и начальники царю своему имеют долг оказывать всякого рода покорность и послушание, а мы, ставшие воинами Царя царей и Бога богов и обещавшиеся во Святом Крещении быть рабами Его, не имеем долга слушаться повелений Его и исполнять заповеди Его? И какое извинение можем мы получить, когда вознерадим об этом? Но горе мне, что, говоря сие и указуя другим путь спасения, ведущий в Царство Божие, сам судим бываю всеми людьми, не только мирянами, но осуждаюсь, приговариваюсь к наказанию и ненавидам бываю как нечистый даже монахами, и иереями, и архиереями. И о, когда бы это было без причины, по одному подозрению и действию диавольскому, действующему в сынах противления, на пагубу им!

Но се говорю то, что узнал из опыта, что если бы демоны не имели людей содействениками злобе своей, то, наверное, совсем (дерзаю так сказать) не могли бы они отдалить от заповедей Божиих тех, которые таинственно возродились через Святое Крещение и соделались сынами Божиими по благодати. Я верую, что младенцы окрещенные освящаются и соблюдаютя под кровом Всесвятого Духа, что они суть овцы стада Христова и агнцы избранные, поколику запечатлены знамением Животворящего Креста и освобождены совсем от тиранства диавола. И если бы диавол не находил пригодных орудий злости своей к совершению того, что желает, или в родителях детей, или в кормилицах, или в тех, которые

с ними обращаются (как в начале – в змее и жене), то, наверное, не мог бы он похитить и себе присвоить ни одного из них. Ибо, как свидетельствует действительность, эти сказанные нами лица учат их с детства всякому злу и лукавству, срамословию, чревоугодию, плясанию, щегольству и всяким другим худостям – сребролюбию, тщеславию, славолобию, гордости, и к этим худостям они приучают их с детства и воспитывают в них. Почему прежде еще, чем дети придут в познание себя и начнут сами рассуждать, они через научение их означенным худым навыкам и расположениям предают их диаволу в рабы, лишая их, несчастных, благодати сыноположения и полученного ими освящения, сами не зная, что делают, как бессмысленные.

Из отцов нынешнего века никто почти не воспитывает детей по-христиански и не обучает их правилам и заповедям Христовым, но все почти воспитывают их в обычаях мирских и нравах эллинских. О чем-либо христианском и заботы им нет, и не говорят они с Иовом: *негли когда сынове мои согрешиши и в мысли своей злая помыслиши противу Бога* (Иов. 1, 5). Не страшатся они и не трепещут при мысли, не сделали бы дети их что-либо неуместное и не отпали бы чрез то от рабства и сыноположения Христа, заклавшегося для спасения нашего, и не сделались опять рабами врага нашего, тирана – сатаны – и не были осуждены на смерть и вечное мучение в огне. Один страх обдержит их всех за детей своих, и одна у них забота относительно их – как бы сделать их показными пред людьми, славными и блестящими не добродетелью и целомудрием и не равнодушием к пышностям и утехам мирским, но раззолоченными сбруями лошадей, щегольскими одеждами и рабами, предшествующими и последующими им. От этого и дети их привыкают к славолобию, к пышности, к богатству и возношению. Так родителями своими дети вводятся во всякий вид страстей и без искушения бесов, а нередко, по их же (родителей) влиянию, впадают они в срамные дела и дают вход в себя диаволу, отцу зла, чрез нарушение обетов, данных во Святом Крещении. Будучи таким образом воспитаны и выросши среди таких худых влияний, они внедряют в душу трудноизгладимую привычку к худому, которая со временем превращается в природу и делается уже неисправимою. По сей причине иные из них (детей) остаются в злых навыках своих до смерти, не имея сил оторваться от похотей, страстей и удовольствий плотских, с коими так и умирают; другие же приходят несколько в чувство, познают возгосподствовавшее над ними зло и стараются освободиться от него. Но если они не отделятся совсем от злых учителей своих (так следует их называть, а не родителями), то невозможно им будет освободиться от укоренившихся в них злых навыков. И сие-то провидя, Бог взывает ко всем нам: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и братию, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). Ибо по другой какой причине несправедливо ненавидеть родителей, как сознавши душевный вред, причиняемый ими. Кто восчувствует этот вред, тот уже не смотрит более на родителей и родных как на друзей, но естественно ненавидит их, как наветников души своей и бегает соображения с ними, стараясь всячески прежде совсем отделиться от тех, которые сделались причиною для него толиких зол, чтоб потом свободнее подвизаться и об освобождении души своей от оных устарелых злых навыков и от самых похотей и страстей. Прежде же всего этого ему надлежит облегчить совесть свою от бремени грехов через покаяние и исповедь.

Теперь послушай, честный отец, что я имею намерение сказать тебе. Которые из таких отрекаются от мира и не имеют духовных себе отцов и старцев, те, конечно, не сделались и чьими-либо духовными чадами. Но которые не сделались чадами, те и не родились; которые не родились, те не пришли в бытие; которые не пришли в бытие (духовное), тех совсем нет в духовном мире. Как те, которые не родились телесно, не находятся в видимом мире, так и те, которые не родились духовно, не находятся в оном умном мире и не входят в оный дивный свет, в который вводит Бог верующих в Него. Еще, как те, которые не родились телесно, совсем не существуют, так и те, которые не родились духовно, не существуют

духовно. Но о, когда бы были они совсем не сущими, а не существующими. Но дело не так есть, ибо родившихся телесно, но не родившихся духовно ожидают тьма, огонь и мука вечная, по определению Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего: *аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия* (Ин. 3,3). Рождением называет здесь Господь наш благодать Святого Духа, как Сам сказал апостолам: *Иоанн крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. 1, 5). Так вот что есть духовное крещение и духовное рождение, и невозможно сему быть иначе.

Надобно нам теперь узнать причину, по которой иные не знают, что они родились духовно. Какая же этому причина? Невежество и слепота очей души их. И внимай поусердней. Как детям рождаемым невозможно засемениться и родиться без отца, так невозможно родиться свыше, то есть принять благодать Святого Духа, и тому, кто не имеет духовного отца, рожденного свыше. И как плотской отец рождает и детей плотских, так и отец духовный тех, которые желают быть чадами его, делает чадами духовными. Но тот, кто сам еще не родился или родился, но еще дитя есть, то есть не достиг еще совершенства, тому как возможно быть отцом других? Нет, невозможно. И тому, кто не соделался сыном Света, с чувством и сознанием того, с опытным удостоверением и духовным созерцанием, тому как возможно знать и видеть Отца светов? И как возможно ему руководить других к Свету или научить их, что есть Свет, который пришел в мир, чтоб просвещать сидящих во тьме? Сам он слеп и не видит, как же может он показать путь другим? Кто не видит света, тот всеконечно ходит во тьме, спотыкается непрестанно и имеет нужду в путеводителе: как же путеводить ему других? И если станет он путеводить их, то наверное будет для них виновником пагубы. Ибо Господь говорит: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15,14) – в ров неведения или пагубы.

Итак, все те, которые видят только телесными очами и только этот чувственный свет, слепы суть; и им ни о чем другом не должно заботиться, кроме как о том, чтоб отверзти умные очи души своей и увидеть невечерний Божественный свет. Ибо как слепой не может видеть никаких вещей мира сего, ни различать золота, например, от серебра или меди, хоть они пред ним находятся, он не видит, и многоценные камни и маргариты, если они брошены на пол, попирает, как прах; и самого себя не видит и не знает, какая на нем одежда: белая или черная, чистая или измаранная – так и тот, кто слеп умными очами, не может знать самого себя, ни состояния своего; тем паче невозможно ему увидеть и познать Бога. Открываются же умные очи и прогоняется духовная слепота благодатию Святого Духа. И никто из святых, от века бывших, не делался святым, не познавал Бога, не становился рабом и другом Его, если прежде ум его не бывал просвещен от Святого Духа, если не получал от Него ведения, слова и силы и не был Им доведен до познания хотений и велений Божиих. Кто не просвещен Духом Святым, тот не только не знает себя самого и ближних своих, но и заповеди Божии, кои суть как маргариты, и веления Божии, кои суть как камни многоценные, и живодательные словеса Его, кои суть как монеты, имеющие на себе пречистый образ Его – все это попирает ногами, как ненужный прах, нимало не чувствуя ни их, ни того, как относится к ним, потому что не может чувствовать. Никто убо, братия мои, да не прельщает вас, говоря, что видит то, о чем я сказал, тогда как очи души его не просвещены Божественным светом.

Итак, если всякий ученик есть духовное чадо учителя своего, то всячески тому, кто ищет духовного отца, должно искать человека, который родился духовно и сознательно знает Бога и Отца своего, чтоб он родил духовно и его и сделал воистину сыном Божиим. Если теперь ученик оный нуждается и ищет такого духовного отца (ибо, как говорит Писание, добрых учителей – добры и учения, от злых же семян злые бывают и порождения), то, с другой стороны, есть в настоящей жизни и добрые учителя и отцы истинно духовные, такие, как мы сказали выше. Но подле них есть и такие, которые еще не родились свыше и еще не познали себя самих, а не только Бога; которые, однако ж, сами себя выставили учителями

и отцами других и всякими способами стараются привлечь к себе всякого, отрекшегося от мира и, как мы сказали, ищущего духовного себе отца; и если заметят, что он хвалит кого-либо из истинно духовных отцов, тотчас спешат эти несчастные представить нехорошим того духовного, чтоб соблазнить душу юноши и помешать ему пойти к нему. Спрашивается теперь: если юный сей, обманувшись, пойдет к тем, которые его обманули, и лишится таким образом пользы, какую имел бы получить от того духовного отца, то кто виновен в потере его, равно как и всех тех, которые таким же образом лишаются пользы от духовных отцов и учителей, будучи соблазняемы словами оных самозванцев? Не виновны ли в этом эти соблазнитель, которые сами себя поставили в руководители и отцы и всех отдалают от добрых учителей, не допуская их дойти до них, чтобы получить от них настоящее руководство и войти по нему в Царствие Небесное? Всеконечно они виновны в этом, и от рук их взыщется кровь соблазненных ими, как сказал Господь. Они, будучи обладаемы тщеславием и гордостью и думая о себе, что суть великие некие, хотя ничто суть, делаются отцами, учителями и апостолами, сами себя рукоположив, между тем как ни благодати Святого Духа не получили, как апостолы, ни светом ведения не просветились, ни Бога, Коего проповедуют, не видели, чтоб Он открылся им, как обетовал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам*; и опять: *Аз и Отец Мой к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21, 23); и еще: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56); также: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. 7, 37, 38); опять: *всяк пияй от воды сея (естественной) вжаждется паки: а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (Ин. 4, 13, 14). Итак, кто явно не видит, чтоб все такое было в нем действительно и совершилось самым делом, тот еще слеп. Ибо кто не соблюл Божественных заповедей, кто не видел Сына Божия явившимся ему, кто не возлюбил Его как подобает, кто не познал в чувстве души своей, что Отец и Сын во Святом Духе обитель у него сотворили, тот пострадал одно из двух следующих: или Бог оставил его и душа его пуста, или диавол, изгнанный из него во время крещения, опять возвратился к нему по причине греха; и это или прежде чем он стал монахом, или после того – *и будут последняя человеку тому горша первых* (Мф. 12, 45). Кто изгнал лукавого из души своей великими подвигами, смирением, многими болезненными трудами, плачем и слезами, а потом опять попустил себе обольститься его внушениями, и это прежде, чем заведомо ему возобитал в нем Христос, и прежде, чем стяжал он истинное, всуществленное смирение – тот опять принимает к себе самого диавола, который входит в него без ведома его по причине самомнения и гордости. Такой не может прийти в чувство и познать грехи свои и зло, которому подвергся. Ибо диавол закрывает очи души его и не дает ему познать гордости, которая властвует над ним. Тогда диавол не нудит его на плотские сласти, ни на чревоугодие, или сребролюбие и многостяжание (ибо эти страсти некоторым образом смирительны, наводят стыд и отнимают у совести побежденного ими всякое дерзновение, хотя бы его хвалил и величал весь мир, яко святого), но побуждает его держать посты, бдения, всенощные стояния, нестяжание, спание на голой земле, немытость и все другое, что, как знает он, может возвращать страсть гордыни. Ибо такие дела, если не бывают построены на основании хриstopодражательного смирения, высят душу до небес и тем низвергают ее в бездну. Она думает, что возвышается, на деле же бывает, что насколько она высится, настолько падает и низвергается долу, сама того не замечая. Как невозможно стоять дому без основания, так невозможно сказанным добродетелям быть твердыми, если они не имеют в основании своем смирения. Если оно не будет прежде положено в основание или, быв положено, будет потом похищено духами злобы, тотчас все здание добродетелей, назданное с такими потами и трудами, падает долу и уничтожается. Ибо Господь *гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6); и – *нечист*

пред Господем всяк высокосердый (Притч. 16, 5). Между тем, кто имеет в себе сей источник и корень всех страстей душевных, тот почитает себя высшим и бесстрастнейшим всех людей и поверить не может, чтобы был кто-либо деятельнее и созерцательнее его; почему презирает всех и не верит дарам благодати, какие даются им от Бога, завидует им и осуждает их и всячески усиливается доказать, что одни из них (даров) ложны, а другие – невозможны. Этим способом он увлекает вслед себя и других, ввергая и их в свой собственный ров зависти, неверия и пагубы.

Кто вкушает Тело Сына Божия и пьет Кровь Его, тот, если не знает чувством и опытом душевным, что в Боге пребывает, а Бог в нем, поистине еще не причащался достойно Пречистых Таин. Ибо как возможно тому, кто соединился с Богом, не знать о том, хотя бы был он и не совсем чувствительного сердца? Также, если вкушающий Тело и пьющий Кровь Христову имеет живот вечный и на суд не идет, но прешел от смерти в живот, то явно, что кто не сознает, что имеет в себе живот вечный и прешел от смерти в живот, так же, как иной знает, что из темного дома перешел в светлый и блестящий – таковой не познал еще таинства Домостроительства Божия и не вкусил жизни вечной. И еще, если Господь наш обетовал, что верующим в Него будет подавать Духа Святого, чтобы Он был для них источником воды, текущей в живот вечный, и реками, истекающими из чрева их, то кто не видит, чтоб в нем совершалось это каждодневно, не видит и всего другого, что обещал Господь давать верующим в Него или совершать в них, тот как может называть себя совершенным верующим? Но, с другой стороны, если кто думает, что такое совершенство прилично только апостолам и древним святым, и говорит, что мы, сколько бы ни подвизались, не можем уподобиться древним святым, и надежды даже не имеем сделаться подобными им, то кто из знающих Бога и состраждущих братьям своим не восплачет о таковом от всей души своей? Ибо если Бог велегласно призывает: *святите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 16), и в другом месте: *подобны будьте Отцу вашему, Иже есть на небесех* (Мф. 5, 48; Лк. 6, 36), и Павел: *подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16) – а этот противные сему пишет законоположения, то наивернейше он явный есть антихрист и богоборец. Ибо говорит, что иные были те, и иные мы – иначе тех любил Бог, сподобивший их великих даров Святого Духа, и иначе относится Он к нам; нас, говорит, Он едва милует – прощает только нам грехи наши и спасает нас, если покаемся, понесем какие-либо произвольные лишения и поплачем; быть же нам как апостолы или как древние святые никак невозможно. И тех, которые почитают сие возможным, называет он гордыми и хульниками, которых, говорит, не надо совсем слушать, и повелевает бегать от них. Какое пагубное заблуждение, чтоб не сказать, какое нечувствие и неверие! Говорящие и мудрствующие так надеются быть спасенными без приятия благодати Святого Духа и думают быть сынами Божиими, не имея сознательно Духа Святого, Который един творит верующих сынами Божиими. Они называют Бога Отцом своим, но говорят, что никогда не видели Его, и думают, что любят Его, не выдавши Его. Даже слушая апостола Иоанна, который говорит: *не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20) – не приходят они в чувство и не понимают, в каком худом находятся состоянии, но завидуют, и ненавидят братьев своих, и такие употребляют против них препрительные словеса, которых не мог бы никогда изобрести сам диавол, отец лжи и зависти. А пред иными они рисуются, будто говорят все сие с богоугодною и братолюбною целью, хотя между тем у всех людей посевают худое мнение об истинно святых мужах, и не подозревая, что, действуя так, они действуют против себя или тем самым себя обличают; ибо если кто не бесстрастен, тот не свят, то, конечно, и ты, говорящий так, таков, так как злое износится обыкновенно из злого сокровища сердца.

Страстные думают, что и все другие также страстны, и судят всех по себе, забывая, что есть Бог, рекший: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1) – есть Судия, имеющий воздать каждому по делам его. С таким тщеславием и дерзостью оговаривают и судят они братьев;

а не знают, что таковым не позволено даже читать Божественные Писания, как говорит Сам Бог устами Давида: *вскую ты поведаяши оправдания Моя, и восприемлещи завет Мой усты твоими*, и потом, указывая причину такого приговора, прибавляет: *седя на брата своего клеветал еси* (Пс. 49, 16, 20). Если же таковому запрещается читать даже Божественное Писание, тем паче не должно бы ему было входить в храм Божий и стоять с верными. А он, несмотря на это, делается учителем с великою гордостью и дерзко восходит на престол апостолов (ибо достоинство и власть апостолов есть всеконечно учение, бывающее в Духе Святом). Какого после сего наказания и какой казни не заслуживает таковой? Кто не сделался еще учеником, как должно, а между тем восхищает достоинство учителей, тому следует наказание в тысячу раз большее, чем разбойникам и убийцам. Эти тело только убивают, а он убивает души. Как тот, кто взял бы у царя какой-нибудь многоценный камень или маргарит, чтоб на камне выделывать изображение царя и при этом обточить его и обделать прилично, а на маргарите поделывать отверстия и вделывать его в корону или в одежду царскую – если б на камне не выделал сходного с царем изображения, обточил его искусно и сделал ни к чему не годим, а на маргарите не сделал ровных отверстий или бы расколол его и совсем испортил – не только не получит награды от царя, но еще подвергнется великому наказанию, в таком же точно положении находятся и учителя, взявшиеся учить других истинному христианствованию. Если по нерадению кого-либо из них, или по неспособности, или по необдуманности, или по неведению и невежеству повредятся мысли какого-либо брата или развратятся дела и мудрования, если не сделает он каждого из слушателей своих рассудительным, мудрым и совершенным, с великим искусством, знанием дела, мудростью и рассудительностью воображая в нем, сколько возможно, Христа, так, чтоб Он виделся в нем воображенным и блистал, и не возведет его таким образом в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова – если, напротив, душу каждого из таких учеников сделает непотребною и искусного превратит в неискусного, честного в бесчестного, тогда как его не бе достоин весь мир, то таковой явно не награду получит за труд свой, но муку и наказание за тех, которых сделал непотребными учением своим. То же заслужит он, если кто-либо через учение его лишится чего такого, что способствовало бы спасению его, или не возможет по причине его достигнуть совершенства, могши достигнуть его под руководством других учителей.

Итак, отче духовный, надлежит тебе прежде сделаться учеником Христовым и добре научиться заповедям Его и таинствам и тогда уже братья учить других; надлежит тебе прежде подчиниться и последовать духовному отцу, который провел бы тебя путем, ведущим ко Христу, так чтоб ты достиг Христа или, лучше сказать, чтоб тебя обрел Христос; причем надлежит тебе заметить все повороты и все знаки пути, которым незаблудно проведет он тебя туда, где увидишь ты Христа благодатию Святого Духа – и тогда уже руководи и других ко Христу; надлежит тебе прежде самому просветиться истинным светом, а после того вводить и других в сей свет; надлежит тебе прежде самому получить христианскую свободу, а потом берись руководить к ней и других, ибо совершенно бессмыслен и буй есть тот, кто, будучи сам рабом, берется освобождать сорабов своих, восхищая власть господина своего.

Каким же образом можем мы сделаться учениками Христовыми? Послушаем Самого Христа, Который говорит: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Идти вслед Христа есть подражать Ему в делах Его и жить так, как жил на земле и Он, Господь наш, терпя с радостью искушения и поношения, чтобы получить благодать Святого Духа. Ибо ни бдение, ни уединение, ни пост, ни ничего неимение, ни труд телесный, ни другая какая добродетель не могут без Святого Духа доставить нам слова премудрости, или знания, или рассуждения, потому что все это есть путь, ведущий к свету, а не самый Свет. Почему если я и тысячу лет буду идти путем сим и не достигну Света (Который есть Дух Святой, от Отца исходящий и просвещающий в Сыне всякого человека, грядущего в мир), но и в конце жизни моей окажусь еще сущим во тьме, то

что пользы для меня от этого? И апостол Павел, сказав, что иному дается слово премудрости, иному слово разума, иному дарования исцелений и прочее, потом прибавил: *вся же сия действует един и тойжде Дух* (1 Кор. 12, 11). Видишь, что без Духа никто не может ни сам научиться, ни других научить? Почему, если кто прежде получения Духа истины, *Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его* (Ин. 14, 17), дерзнет и покусится, еще будучи от мира, в мире взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовным отцом и ходатаем за других перед Богом, то не достоин ли он несметного числа молнийных ударов и мук? Чтоб тебе видно было, что я ничего не говорю не находящегося в Писании, слушай, что говорит апостол Павел: *аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Его* (Рим. 8, 9). Видишь, что тому, кто не имеет Духа Святого, не только непозволительно учить других, но что ему невозможно даже быть от части Христовой? Ибо со Христом соединяет благодать Святого Духа; и кто не имеет Духа Святого обитающим в себе, заведомо тому невозможно иметь общения со Христом или видеть славу Христа сознательно. Он не может и Божественных Таин умно созерцать так, как бы видел Самого Христа и Бога, но видит только чувственно хлеб и вино, которые стоят на трапезе и видимы чувственно. И сие праведно страждут таковые, потому что не получившие благодати Святого Духа не могут видеть, ни познать Христа – Бога. Которые не испытали и не удостоились сего, те не суть и род Божий, или свои Богу, и не знают Его. Ибо Того, Кто есть выше всякого ума и помышления, как возможно познать уму нашему, созданному Им, если он не будет просвещен от Него и не соединится с Ним? Как от Него получил он бытие, так опять от Него же должен он сподоблен быть увидеть и познать Его знанием неведомым и созерцанием незримым. Те же, которые не сподобились стать такими, ни Духа Святого не имеют и не суть Христовы, и пусть они не обольщают себя. Когда получают они Духа Святого и станут Христовыми, верным и несбивчивым признаком того будет для них то, что сказал божественный апостол: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17), где под свободой разумеет он совершенное освобождение от всех страстей и от похотей мирских и плотских. Почему в другом месте он же говорит: *а иже Христовы*, то есть рабы Христовы суть, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), и еще негде: *аще же Христос в вас, плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 10). Итак, кто не сознает, что сие и то, что сказано выше, бывает в нем явно, тот пусть сидит один и плачет о себе, что еще не сделался рабом Христовым, еще не стал причастен славы и Божества Христова и что состояние его еще неявно. Почему пусть наипаче печется о себе самом, до других же да не будет ему дела, потому что страстный не может рассуждать дел братий бесстрастно, как слепой не может видеть чувственных вещей, хотя бы держал их в руках своих.

Но моли, прошу тебя, отче, Бога о мне, бедном, если не по чему другому, то ради любви к Тому, Кто сказал: возлюбиши Господа Бога твоего и ближняго твоего яко сам себе. Помолись о мне, грешном, ненавидимом за любовь ко Христу, гонимом за то, что хочу жить благочестно о Христе, осуждаемом всеми за то, что чту отца моего духовного и учителя, оглашаемом всюду, яко еретик, за то, что учу всех искать свыше благодати и заведомого присутствия Духа Святого, потому что без сего не бывает отпущения грехов, что без благодати Святого Духа невозможно ни освободиться от страстей и бессловесных похотей, ни соделаться сыном Божиим, ни освятиться, и что те, которые сподобляются таких даров Духа, не только освобождаются от всех похотей, страстей и непотребных помыслов, но бывают и богами по благодати, пребывают близ Бога и бывают вне плоти и мира; и не только они сами святы бывают и как бы бестелесны в мире, но и всех других верных видят как святых, и не только как святых, но и как во Христа облеченных и соделавшихся христами; и что кто не стяжал еще таких душевных очей, тот явно не достиг еще света Христова и не просветился от него, ибо свет Христов даруется, да видим бывает тем, кои сподобились покаянием внити в него.

Кто достигнет в меру сию, тот всех любит и почитает их, как Христа, не презирает никого из тех, кои кажутся нам низкими и ничтожными, но и другого никого не ненавидит, не поносит, не осуждает и не терпит слышать, как другие осуждают кого. Такими да будем и мы с вами (говорю к этим осуждающим), братия. Ибо если не сделаемся такими, то невозможно нам будет внити в Царство Небесное.

Так вот, поелику я говорю все такое и проповедую, что отец мой духовный сделался таковым, то все осуждают меня за то, как гордого и хульника – и диавол поднял против меня служителей своих и ведет войну, чтоб заставить меня перестать проповедовать словом и исполнять делом евангельские заповеди и апостольские постановления, перестать стараться обновить евангельскую жизнь, которая некоторым образом одряхла и забыта, чтоб люди в самовольной дерзости не помышляли, что могут спастись без получения благодати Святого Духа и без бесстрастия, не прельщались тем и не погибали, сами того не понимая. За это вместо того, чтоб благодарить меня, что говорю им и побуждаю их стремиться к совершенной добродетели, они паче осуждают меня и ненавидят, отвращаются от меня и предали меня на алчбу, жажду и смерть – за то, что я не обольщаю их и не говорю: дерзайте, все имеем спастись без трудов и болезнований, без покаяния и точного исполнения заповедей Божиих, каковыми речами те, которые говорят их, извращают все ученье Христа и апостолов Его.

Нам же не буди мудрствовать и говорить так, но да глаголем всем с дерзновением, что поелику веруем во Христа яко Бога истинного и приемлем апостолов яко учеников Его, то долг имеем всячески соблюдать и заповеданное ими, каяться и плакать с болезнью сердца о всяком преслушании и преступлении заповедей Господних, если желаем получить блага, обетованные нам от Бога, каковые когда бы сподобились получить и мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Коем Отцу и вместе Духу Святому подобает всякая слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят восьмое

О том, что желающий пасти словесное стадо Христово прежде должен рассмотреть и с точностью исследовать себя самого и свое состояние и тогда уже братья учиться другим.

Господь наш Иисус Христос ублажает не того, кто учит только добрым делам, но того, кто прежде творит их и потом научает им и других. Ибо говорит в Святом Евангелии: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19). Почему и божественные отцы Церкви нашей ни словом, ни писанием не учили никакому добру, которого не делали бы сами, прежде чем учить о нем. И те, которые слушают таких учителей, бывают более готовы на то, чтоб подражать им в добром, потому что не столько пользуют их слова, сколько пользуют дела, которые побуждают их делать и себе подобное же. Но горе нам, братия мои, что до такой великой дошли дерзости мы, монахи, что беремся пасти словесных овец Христовых, не имея благодати Христовой, и всячески домогаемся получить степень апостольскую (увы мне, треокаянному!) для довольства и упокоения тела, для выгод и чести человеческой, и даже за деньги покупаем сие достоинство апостольское, ни Бога не боясь, ни человеков не срамляясь. Хотя ни один человек не дерзнет приблизиться к царскому престолу без воли царя, хотя никто из неученых не посмеет взять на себя чин грамматика или ритора, хотя никто из неграмотных не согласится быть чтецом; но мы не таковы, и несмотря на такие примеры, ищем и берем на себя достоинство апостольское, не имея благодати апостолов и не видя в себе плодов благодати Святого Духа. И как допускаем мы себя даже подумывать только о такой великой дерзости? Скажите мне, возлюбленные: если бы этот великий и многолюдный город, Константинополь разумею, встретив какого-либо человека странного, который никогда не входил в царские палаты и которого не знает ни царь, ни царские люди, стал просить его, говоря: мы делаем тебя меченосцем царевым, входи ты один в царские палаты и говори царю о нашем благе и проси его сделать для нас то и то, то странный тот человек захотел ли бы принять предлагаемое ему достоинство и пришло ли бы ему даже на ум, что он сможет делать такие дела? Все мы, наверно, в один голос скажем, что он никогда не поступил бы так, даже тех, которые предложили б ему это, осудил бы, обзвав их бессмысленными и сумасшедшими, и никак не согласился бы принять сказанное достоинство, видя, что оно доставило бы ему не честь, а скорее, бесчестие и царское наказание. Итак, если в человеческих делах не можем мы поступать так, то как же не страшимся мы и не трепещем брать на себя апостольское достоинство с такою дерзостью приближаться к неприступному свету Царя царствующих, Бога, и становиться посредниками между Богом и людьми? Или считаем такое покушение малым и ни во что ставим как ничтожное? Увы мне, братия мои! Страшно подумать, до какого крайнего дошли мы ослепления и нечувствия, что даже не знаем, сколь великие и страшные дела соглашаемся брать на себя. Ибо если бы знали, то никогда не могли бы дойти до такой дерзости, чтоб шутить Божественным и являть больший страх и большую честь земному, чем Небесному Царю Христу.

Будем же непрестанно себя самих рассуждать и постараемся, сколько можем, и других отклонять от покушения – искать и брать недостойно такую власть, чтоб и их избавить от осуждения, и самим пожить прочее безопасно. Кто, впрочем, исследуя себя с точностью, находит, что он свободен от всякого славолубия и даже следа не имеет сластолюбия и плотской похотливости, чист также совершенно от сребролюбия и злопамятства, имеет безгневие и совершенную кротость, стяжал такую любовь к Богу, что лишь только услышит одно имя Христа, тотчас начинает гореть пламенем к Нему и проливать слезы, плакать при этом и о братиях своих, почитая грехи других собственными своими и от всей души имея себя

самого грешнейшим паче всех, и, наконец, видит в себе благодать Святого Духа, просвещающую его богато и делающую сердце его солнцем, видит, что в нем явно совершается чудо купины, так что он горит, поелику душа его соединена с неприступным огнем Божества, и не сгорает, поелику она свободна от всякой страсти, еще смиряется так, что почитает себя недостойным и недовольным для такой степени, зная немощь человеческого естества, но питает дерзновенное упование на Божественную благодать и силу, ею подаемую, и если с готовностью решается на такой шаг, то делает это, понуждаемый теплым веянием и мановением благодати, и с отвержением при сем всякого человеческого помысла и с желанием живот свой положить за братьев во исполнение заповеди Божией и любви к ближнему; при всем же сказанном имеет еще ум обнаженным от всякого мерзкого воспоминания и одет в светлую одежду смирения, так что ни к тем, которые содействуют ему по такому предмету, не имеет особенного расположения и любви, ни на тех, которые противятся тому, не держит ни малого зла в сердце и не ненавидит их, но равно относится ко всем с благорасположением, простотою и незлобием сердца – кто все такое имеет, тот пусть решается принять предлагаемое ему достоинство. Однако ж и при этом всем да не дерзает он приступить к сему без воли и разрешения отца своего духовного. Пусть смирится пред ним и решается на такое дело как бы по приказанию его и с молитвою его, приемля такой сан единственно для спасения братьев. Впрочем, так следует поступать ему, если знает, что духовный отец его имеет явно благодать Святого Духа и сподобился принять свыше ведение и премудрость, чтоб не сказал ему при сем того, что противно воле Божией, но, по существу в нем дару, сказал то, что Богу угодно и для души его полезно, дабы не оказалось, что он слушается человека, а не Бога. Если найдет он доброго содейственника и советника в духовном муже, то принятие им сана будет более безопасно и мудрование более смиренно.

Если теперь таковой смотря посмотрит на дело, то найдет истинным все, мною сказанное, гораздо же больше этого узнает он сам собою или, лучше сказать, научен будет от Самого Солнца правды, если сподобился когда-нибудь видеть сие Солнце. Если же начало сего дела таково, что так трудно познать, по Богу ли оно, тем паче трудно должно быть ведение его и исполнение. Сколько потребно терпения в перенесении искушений, какие имеют сопровождать его! Какое надлежит иметь тонкое рассуждение во время браней, какие всеконечно встретит он! Почему внимай добре, отче духовный, и тщательно смотри за сердцем своим, особенно же очисти око ума своего и храни его чистым и незапорошенным, потому что при помощи его ты можешь и за сердцем своим смотреть добре, и право обсуждать порученные тебе дела по настоятельству твоему и особенно потребности отцов и братьев, чтоб все устроить как подобает. Ибо, как слышишь, собрание братьев есть тело, а настоятель их голова. Как в теле прочие части каждая имеет свое одно дело: ноги, например, ходить, руки – брать и работать, а голова есть ссоюзение всего тела, так как в ней находятся все чувства, ум и самое слово – так в монастыре братия не все во всех добродетелях упражняются, но один в одной, другой в другой, почему ты с трудом найдешь в брате две или три добродетели в одно и то же время; и в этом ничего нет дивного, потому что братия суть *уды от части* (1 Кор. 12, 27); но настоятель должен иметь все добродетели, не душевные только, но и телесные, и вместе с сими добродетелями особенно надлежит ему иметь великие сокровенные дары благодати. Ибо как голова снаружи красивая и хорошо убранная, если не имеет в себе ума и всех чувств целыми и здоровыми, всеми считается ни к чему не годною и недостойною почта, так и настоятелю мало быть убрану и краситься только телесными и душевными добродетелями, но надлежит при сем наипаче сиять духовными дарованиями. Ибо добродетели исправляются собственным старанием и усердием и приобретаются собственными нашими подвигами и трудами, а духовные дарования суть свободные дары милости, от Христа подаемые тем, кои подвизаются. Так, например, пост и воздержание есть добродетель, от которой увядают греховные сласти и похоти и замирает огонь плоти, и это есть дело соб-

ственного нашего произволения; но чтобы кто держал пост и воздержание без всякого чувства прискорбности и приболезненности сего подвига, и еще более, чтоб кто достиг чистоты и совершенного бесстрастия, сие есть дар Божий весьма высокий. Опять, удерживать гнев и серчание есть собственное наше дело и требует подвига великого и труда немалого; но чтоб совсем не смущаться и стяжать невозмутимость сердца и совершенную кротость, это есть дело в нас единого Бога и измена десницы Вышнего. И еще, раздать все имущество свое бедным и, став нищим, просить милостыню, в нашей состоит воле; но совсем ничего не желать и с радостью переносить горение в печи бедности, это есть таинственное действие в нас Божие. Так и всякое доброе дело, бывающее по заповеди Божией, называется добродетелью. Но как в житейском быту земледелец, обрабатывающий землю и сеющий семена, трудится только, а чтоб семена проросли и дали плод, сие есть дар Божий, так бывает и в духовном порядке – делать добрые дела и сеять семена добродетелей с трудом и подвигом многим есть наше дело, но чтоб Бог оросил сие дождем благодати Своей и Своего человеколюбия и сделал бесплодную землю сердца вашего плодоносною, сие есть дар и милость единого Бога. Он Божественною благодатию орошает семя слова, посеянного в сердцах наших, проращивает его и возвращает, да будет в древо великое, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова.

Итак, надлежит тебе, пастырю овец Христовых, стяжанною иметь всякую добродетель и телесную, и духовную, так как ты – глава прочего тела братий, чтоб братия смотрели на тебя, как на первообраз добра, и отпечатлевали в себе самих добрые и богоподобные черты твои. При этом и труба твоя да не знает никогда покоя, но непрестанно да издает глас: одним братиям предсказывай меч, то есть гнев Божий, грядущий на упорных сынов противления, чтоб их исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить от страшного гнева Божия; других вразумляй, учи и подвигай на всякое добро; но и тех, которые требуют обличения и укора, не оставляй без внимания, но обличай их благовременно и безвременно, запрещай им и всячески старайся отклонить их от недобрых поступков, как заповедует тебе божественный Павел. Милостивость свою являй равно ко всем братиям и любовь тоже одинаковую имей ко всем, но честь воздавай каждому по добродетели его, как подобает, и мужу добродетельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первым имеешь по устройению монастыря. Эти строители дел монастырских состоят в чине седми диаконов, о коих говорит книга Деяний апостольских; они же суть и как служебные духи, посылаемые в служение (Евр. 1, 14); и если исправляют свое служение верно, без всякого лукавства, как и оные семь диаконов, то получают от Бога великое воздаяние и в сей жизни, и в будущей. Но которые подвизаются в молитве и безмолвии и в учении словом и упражняются с терпением в добродетелях и добрых делах, те вместе с тобою состоят в чине апостолов. Этих братий тебе следует иметь помощниками в благовестии духовного учения своего и в восприятии на себя тягот братних, чтоб они облегчали труды твои, так как они среди братий суть как камение многоценное. Не ищи покоя телесного или какого-либо утешения. И ночи и дни иждивай на попечение о вверенных тебе от Бога душах, да не попадет какая-либо из них в зубы врага, быв побеждена или злою похотью, или неразумным гневом, или помыслами тщеславия, но соблюдай все свое стадо целым и безущербным, стараясь представить его Пастыреначальнику, Христу Богу, все плодоносным, исполненным добродетелей и просвещенным Божественным ведением, чтоб ни одной овцы не было, которая имела бы струпы и раны, или была лишена какого члена, или казалась захирелою. Если будешь всегда держать такое попечение о братиях, то спасешь многих, делая их совершенными, не имеющими недостатка ни в чем добром, и принося их Христу своему всех непорочными, всех чистыми от нечистых дел. За это сподобишься ты получить от Бога великое воздаяние, будешь вселен в скинию апостолов и пастырей Христовых и вечно царствовать с Самим Сыном Божиим. Посему жизнь твоя должна быть пред лицом братий и отцов как некий образец, чтоб братия брали с него

пример. Не люби вещей, ни славы, ни удовольствий и утех, ни трапез с яствами многими и винами, ни щеголеватых одежд. Не будь тщеславен, гневлив, бранчив, злопамятлив и не воздавай злом за зло. Но будь нестяжателен, ненавидь показливость, почет и всякое удобрение плоти. Будь смирен, нищ духом, сокрушен, тих, кроток, безгневен, несребролюбив, умерен, покоен, благочинен, терпелив, воздержан, немногопопечителен, неусыпен, усерден, ревностен. Пекись о душах, кои имеешь под своим смотрением, как о собственных членах, и будь каждый день готов живот свой положить за них, если потребуется, и никакого дела мира сего не предпочитай любви к братьям. Так как ты всем другим предпочтен и поставлен пасти словесных овец Христовых, то надлежит тебе, по слову Господа, быть ниже всех мудрованием и смирением, еже по Богу, как сильному – носить немощи немощных, как врачу – врачевать болезни братий, которые заболевают душой, как пастырю – возвращать опять в стадо овца отбившееся и заблудшее – то, которое хорошо, старайся сделать преуспевающим в добродетелях, а которое паршиво и не подает надежды на уврачевание, то отдели от стада, чтоб не запаршивели и другие овцы. Подвизайся, чадо мое о Господе, со всем усердием умножать стадо Христово. Да не искусит тебя желание покоя и удобрения тела сокрушествовать монастырские вещи в собственное употребление, а не для братий. Не люби часто выходить из монастыря; довольно для тебя выйти однажды в месяц по крайне нужным потребам монастырским, прочие же пусть исправляют помощники твои, чтоб не иметь тебе развлечений, но беспрепятственно заниматься составлением поучений и наставлений братиям в попечении о душах их. Не готовь для себя разные избранные яства, а для братий какие похуже, ничтожные и без приправы; не делай также так, чтоб самому пить хорошее вино, а братиям подавать закислое; но пусть будет у вас трапеза общая и для тебя, и для братий: или растительная, или рыбная, по воскресениям и праздникам, кроме разве когда случатся у тебя друзья или болезнь. Твоим послушанием да будет попечение о душах братий; прочие же послушания монастырские раздай благочестивым и богобоязненным братиям, испытывая их на всех послужаниях, по преданию преподобного отца нашего Феодора Студита. Не гневайся на братий без какого-либо повода, причиняющего вред душе; лучше кротким словом учи их, как надлежит им держать себя в среде братства. Юным и новоначальным повелевай наипаче быть скромными, чтоб они не причинили вреда смотрящим на их продерзость и беспорядочные ребяческие дела. Тем, которые уже долгое время живут в подвиге, внушай терпеливо сносить искушения, смиренномудрствовать, плакать, прилежать молитве и служить добрым примером для других в исполнении заповедей. Иеромонахов учи благоговейству, безмолвию, размышлению о Божественных Писаниях, изучению апостольских правил и преданий, точному познанию догматов веры, чистоте сердца, непрестанной молитве и сокрушению и тому, чтоб они с великим страхом стояли пред святым престолом, были для всех братий словом и делом, Божественной солью и светом и имели в себе слово жизни. Если иной раз нужно будет по благословной причине явить гнев против беспорядочных братий и вразумить их жезлом наказания, чтоб они отстали от худого какого-либо навыка, не худо и это и не необычно в Церкви Христовой. Свидетель слова сего Сам Господь Иисус, Который, сотворив бич от вервий, бил им непокоривых иудеев за то, что дом молитвы превратили в торжище, трапезы меняльщиков опроверг и пенязи рассыпал (Ин. 2, 14, 15). Ибо всякое дело, которое делается для того, чтоб или помешать злу и уничтожить его, или помочь добру и добродетели и защитить их, похвально и богоугодно. Монастырские вещи храни добре, как посвященные Богу, почему за самую малую имеешь дать отчет Богу. Родителям своим и родственникам помогай так же, как и другим бедным, доставляя им только потребное для жизни. Не пропускай без внимания и исправления ничего, даже малого, что бывает не по заповеди Божией и служит к извращению апостольских и соборных правил и постановлений, к осуждению и бесчестию евангельской жизни и к унижению монашеского чина, для того одного, чтоб показать себя кротким и чтоб люди похвалили за то; но, подражая Христу

и Богу своему, ревностно, с жаром, но без страсти гнева, восставай против всего такого и защищай, сколько можешь, заповеди Божии и священные каноны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.